

Николай ПОЛОТНЯНКО

СИМБИРСКИЙ ГРЕХОВОДНИК

Комедия

Предуведомление автора

Главный герой комедии – губернатор Александр Михайлович Загряжский, управлявший Симбирской губернией в 1831-35 гг. Интрига, вокруг которой закручивается сюжет, – история отстранения Загряжского от должности губернатора. По сведениям архивиста Антона Шабалкина, версий у этой истории немало. Краевед Жорес Трофимов в своем очерке о Загряжском дал ему высокую оценку: «...в целом это был знающий администратор, не запятнавший своей репутации взяточничеством, тонкий ценитель литературы и искусства». Однако современники Загряжского оставили иные свидетельства.

Шабалкин склонен наиболее правдоподобным считать рассказ Ивана Жиркевича, сменившего Загряжского на посту губернатора. Жиркевич пишет, что его предшественник «был нескромен в речах и часто, без размышления о последствиях, вел разговоры с каждым лицом, не соображая тех связей, с которыми то лицо было в сношениях». Яркий пример – советы князю Дагьяну: мол, тот мог бы найти себе более выгодную партию, чем старшая дочь князя Баратаева. Губернатор намекал на некие отношения, якобы существовавшие между невестой Дагьяна и ее учителем. «Это, конечно, дошло до сведения Баратаева и поссорило его с Загряжским», – пишет Жиркевич. «Оплошностью губернатора поспешили воспользоваться те, кому он чем-либо не угодил», – рассказал Антон Шабалкин. Дело дошло до Петербурга. Николай I встал на сторону Баратаева.

За основу пьесы автор взял водевильную версию жангарма Эразма Стогова. Согласно Стогову, будто бы сам Загряжский соблазнил невесту Дагьяна. В своих воспоминаниях он пишет: «...ходили сплетни, что будто бы губернатор Загряжский наряжался старухой и ходил на свидание к теперешней невесте и что будто бы Загряжский так хорошо гримировался, что отец – князь Баратаев – раз встретил старуху-губернатора и не только не узнал, но указал, что дочь его в саду». Своей «победой» Загряжский будто бы хвастался знакомым, поясняя: «Иметь успех в женщине и не рассказать – все равно что, имея Андреевскую звезду, носить ее в кармане». Баратаев намеревался жаловаться дворянству, Дагьян клялся разбить рожу губернатору. Жангарм Стогов решил действовать «для спасения власти губернатора». Он успокоил Баратаева, запугал Загряжского и уговорил Дагьяна принять извинения губернатора, которые тот должен в его присутствии изложить письменно. Начальству Стогов представил очерк этой истории «в жанре комедии», поскольку установленной формы для переписки в корпусе не было: «Дупельт писал мне, что в общем вышло так юмористично, что читали все и хохотали, а когда я читал шефу, он много смеялся и хвалил мое веселонравие».

Через три недели вышел указ об увольнении губернатора Загряжского и высочайшее повеление «впредь никуда не определять».

Стогов даже опубликовал рассказ о губернаторе Z. в издании «Русская старина». Бывший губернатор тотчас же написал в редакцию письмо-протест. В качестве опровержения он прислал в редакцию формулярный список, согласно которому он продолжал государственную службу и после отъезда из Симбирска и вышел в отставку по болезни только в 1867 году по своему прошению. Редакция принесла Загряжскому свои извинения, в №1 «Русской старины» за 1879 год были опубликованы его письмо и выдержки из формулярного списка. В комедии «Симбирский греховодник» Загряжский переодевается старухой, чтобы узнать, что говорят о нем в народе. Он неосторожно хвастает интригой с девушкой, но Стогов «замял» дело. И причина отстранения его от должности так и остается тайной.

Антон Шабалкин отсылает к очерку Ивана Александровича Гончарова «На родине», поскольку писатель служил у губернатора (а потому появление Гончарова

в пьесе более чем оправданно) и подробно описал его, изменив, правда, фамилии и имена современников. Загряжский – в очерке Лев Улицкий – был веселым, любезным, обходительным человеком, «дамы были от него без ума». Губерния за время его правления не стала ни лучше, ни хуже, поскольку, несмотря на все его порывы и способность уловить суть с первых же слов, сил и желания что-то сделать у него не было. При этом Загряжский-Улицкий был представителен и очень красиво губернаторствовал на приемах и губернаторских выходах.

У Загряжского были крупные долги – 37 тысяч рублей. Гончаров считал, что поводов для отстранения от должности у него было немало, но крупной причиной он называет лишь одну: «Она касалась не дел, а самой личности его, не шла к его сану и положению. Он был... женолюбив».

Упоминал Гончаров и об истории избиения губернатора Дадыном (без упоминания имен), но не верил, что это стало причиной «отозвания».

Действующие лица:

Загряжский Александр Михайлович – симбирский губернатор, 40 лет

Марья Андреевна – его жена, 36 лет

Лиза – ее дочь, 16 лет

Гончаров Иван Александрович – «подставной» секретарь, 23 года

Стогов Эразм Иванович – жандармский штаб-офицер

Бенардаки Дмитрий Егорович – откупщик

Баратаев Михаил Петрович – предводитель благородного собрания

Дадыня Жорж – жених дочери Баратаева

Иван Васильевич – губернский секретарь

Мими – одалиска губернатора, 27 лет

Степан – оранжерейный мужик

Сироткин – жандармский унтер-офицер

Действие I

Комната на нижнем этаже с выходом в оранжерею. Много цветов, несколько пальм и других тропических деревьев. Комната соединена с верхним этажом лестницей. В ней две двери, обширная кушетка, зеркало, стол, несколько стульев и клетка с попугаем. Входит Степан, в правой руке у него выбивалка, в левой – лисий салоп.

Степан (*ворчливо*). Выставил меня на посмешище дворне. Где, пристают, Степан Ильич салоп добыл? Или с кого снял ночью, или стал в заклад вещи принимать от обывателей? Никому невдомёк, что я потакаю барскому баловству. Нет-нет, да и взбрёдет ему в непутную головушку машкерад устроить. Принарядится старой бабой и давай шастать по городу из конца в конец. Говорит, что проверяет службу городских чинов по ночам. Губернаторское ли это дело?.. (*Степан встряхивает салоп, прикидывает к своим плечам, затем принимает к лисьему воротнику*). Ишь ты, как вкусно пахнет, кажется, розой. Это запах сладкой барыньки, что сюда шастает. Ладная такая барынька, из всех, что здесь перебивали, самая пригожая и добрая. Рубахой меня пожаловала.

Попугай. Алекс! Алекс! Алекс!

Степан. Что загомосил, дурак?

Плещет в птицу водой из кружки.

Попугай. Дурак! Дурак! Алекс! Алекс!

Степан. Дался тебе этот Алекс. Всё темечко продолбил своим Алексом. Это она, Мими, его этому выучила. (*Подходит к клетке*). Говори: «Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!»

Попугай. Дурак! Дурак!

Степан *кладёт салоп на стул, берёт большой платок и накрывает им клетку.*

Затем возвращается к салопу и опять примеряет к своим плечам.

Степан. Видел я всякие барские причуды, но о такой прежде и не слыхивал, чтобы шалобродничать в потёмках по городу в бабском наряде. Мими к нему попугая приставила, чтобы тот его вразумлял. (*Передразнивает*). «Алекс! Алекс! Дурак! Дурак!..» Мой барин – пострел. Вечор к нему приходила другая барынька. Так он тебя платком накрыл, чтобы ты Мими не разболтал, старый дурень! (*Приподнимает платок*). Тебе сколь годков? Двести? Триста?

На лестнице раздаётся шум. Степан прячет салоп в шкаф.

Появляются супруги Загряжские. Александр Михайлович предупредителен и помогает жене преодолеть одну за другой ступеньки.

Загряжская. Я редко бываю в оранжерее, оттого что здесь страх как круто...

Боже, до чего роскошно! Диковинные цветы, вечнозелёные растения. Это кусочек рая, который ты, Алекс, себе присвоил.

Загрязский. Это, дорогая, мой второй кабинет, для умственной работы.

Загрязская. Значит, ты здесь сочинишь свои прожекты. А это круглое, там на столе, не модель воздушного шара, который ты решил построить для удовольствия симбирских обывателей?

Загрязский. Это глобус, круглая карта всей земли.

Загрязская. Она разве круглая?

Загрязский. Человеку, милочка, всё равно — квадратная она или круглая: в конце концов, везде его ждёт крышка.

Загрязская. Оставь свои гусарские шуточки, Алекс. Я всё-таки хочу знать, чем ты намерен здесь заняться? Мне также любопытно, зачем ты меня сюда пригласил?

Загрязский. На днях выборы губернского предводителя. Я обязан выступить в благородном собрании с речью. Этим вечером я хочу над ней поработать.

Загрязская. Ты намерен сам написать свою речь?

Загрязский. Я не люблю купаться в чернилах. Составлю тезисы, а Гончаров их распишет и расцветит перлами красноречия, которому он обучался в Московском университете.

Загрязская. Иван Александрович — способный молодой человек, правда, ему не достаёт галантности и шарма, но Лизоньке он нравится тем, что очень скоро научил её говорить по-французски, да и танцует неплохо.

Загрязский. Вот видишь, какой я эконом: залучив себе Гончарова, не потратился на гувернёре-французе.

Загрязская. Я твоей экономии не ощутила. И сейчас у меня всего сто рублей.

Загрязский. Кажется, пришла пора сказать, зачем я тебя сюда пригласил.

Загрязская (*игриво*). И зачем же?

Загрязский. Поиграть в угадайку. У меня на этой половине комнаты спрятано что-то очень ценное, что тебе покажется кладом. А теперь приступай к поискам. (*Загрязская, поозиравшись, делает несколько шагов в сторону зрителей*). Холодно. Очень холодно. (*Загрязская направляется к столу*). Теплее... Похолодало. (*Загрязская идёт к шкафу*). Тепло. Очень тепло. (*Загрязская открывает дверцу шкафа*). Очень тепло. Почти горячо. (*Загрязская что-то перебирает в шкафу*). Очень горячо. Невыносимо горячо!

*Загрязская поворачивается к мужу с видом крайнего недоумения,
в руке у неё лисий салоп.*

Загрязская. Откуда у тебя эта вещь? Кто здесь живёт, кроме меня? Молчи! Я всё знаю! Это твоя очередная пассия, одалиска? Или ты пал так низко, что взялся за купчих и мещанок? Лисий салоп... Тьфу! Да он псиной воняет!

Загрязский (*хладнокровно*). Произошло какое-то недоразумение. Меховая тряпка, которую ты откопала в шкафу, для меня такая же новость, как и для тебя.

Загрязская. Но для меня твои измены не новость. Когда это прекратится?

Загрязский. Никогда. И не делай удивлённых глаз. Ни-ко-гда. Я испорчен военной службой, на которой очутился в шестнадцать лет и не в придворном полку, а в войне с французами. Война меня научила лёгкому отношению ко всему: меня принимают за легкомысленного человека, но я сам хочу им быть, чтобы не сойти с ума от множества льстивых и тупых рож, которые с утра до вечера теснятся в приёмной, чтобы хоть как-нибудь использовать меня для своей выгоды.

Загрязская. Я знаю, Алекс, что ты нуждаешься в утешении. Но салоп!.. Это одежда явно от какой-то мещанки.

Загрязский. Не знаю я никакого салоп. Впрочем, сейчас мы с ним разберёмся. Степан! (*Из оранжереи, не торопясь, выходит Степан*). Говори, скотина, откуда здесь взялся салоп? Говори как надо, не то пойдёшь в полицейский участок, где получишь полсотни розг.

Степан (*щупает салоп, встряхивает*). Тут, барин, это самое-такое... как и сказать, не соберусь... как посмотреть... с какого-такого боку...

Загрязский. Не прикидывайся бараном. Или я тебя не учил, как следует отвечать?

Степан. Как не учил, и ты учил, и пристав капитан Филиппини тоже учил.

Загрязский. Гляди! Прوماхнёшься, быть тебе опять в гостях у пристава!

Степан (*радостно*). Вспомнил! Неделю тому конюх его мне принёс. Говорит, болтался на верёвке возле конюшни. Говорит, спроси, Степан, у камердина, чей салоп, может, кто повесил его проветриться, да забыл?

Загрязская. Оставь его, Алекс. Меня этот салоп уже не волнует. Я тебе верю.

Загрязский. Иди, но будь неподалёку, я с тобой ещё разберусь. (*Оранжерейный мужик уходит*). Но мы, милая Мари, ещё не закончили нашу угадайку.

Загляни-ка в шкаф, где тебя ждёт радостное открытие.

Мари достаёт из шкафа пакет, перевязанный розовой лентой.

Загрязская. Это мне? *(Открывает)*. Алекс! Здесь уйма денег!

Загрязский *(посмеиваясь)*. Положим, далеко не уйма, но порядочно. Это тебе на иголки и булавки.

Загрязская *(радостно перебирает ассигнации)*. Откуда у тебя столько денег?

Загрязский. Это не взятка. Я их выиграл у Бенардаки в карты. Заметь, я их не взял у него, а заработал своим везением и сообразительностью. Это честные деньги.

Загрязская. Ты мне отдаешь всё?

Загрязский. Конечно. Они твои; трать их по своему усмотрению.

Загрязская. Ты такой добрый, такой честный, а я тебя обидела своей ревностью. Прости меня, глупую.

Загрязский. У меня нет на тебя ни капли обиды. Ты же знаешь, что я не способен обижаться. И вовсе не из-за того, что я такой истовый христианин. Я давно понял, что всё в мире устроено глупо и ненадёжно, и в нём нет ничего такого, что можно любить и ненавидеть.

Загрязская *(складывает деньги в пакет)*. Ты, Алекс, всегда всё усложняешь. Ну, да ладно. Пойду к себе. Тебя ждать?

Загрязский. Я буду работать допоздна. Это моё первое выступление в благородном собрании. Наши дворяне сплошь глупы и привередливы. Я своей речью постараюсь их расшевелить. *(Провожает супругу к лестнице, целует ей руку, она через каждые две ступеньки поворачивается, и они обмениваются воздушными поцелуями. Затем подходит к зеркалу и начинает торопливо снимать с себя фрак)*. Степан! Где ты спрятался?

Степан. Тут я, под пальмой сажу.

Загрязский. Помоги мне одеться, да поторапливайся!

Степан. Иду!

Загрязский *(пытается застегнуть кофту)*. Застегивай, а то я не дотянусь до спины.

Степан. Я, барин, никак не могу ухватить пуговку. У меня от земляной работы пальцы заскорузли, тут дамские пальчики нужны, чтобы застёгивать такие крохотульки.

Загрязский. Подай салоп! Хотя стой, мне надо переобуться в сапоги. Где они?

Степан. Где ты давесь оставил, там и возьми.

Загрязский. Нет их под кушеткой! Ты куда, дурак, мои сапоги задевал?

Степан. Не видел я их.

Загрязский. Ну, если ты их в кабаке заложил, то из полиции живым не выйдешь!

Степан. Я два дня, твоя милость, в кабаке не был. А ты вчера в этих сапогах по городу шастал.

Загрязский. Стой, гад! Что ноги прячешь? Покажи, что у тебя на них обуто?

Степан *(оглядывает свои ноги)*. Вот так так! Виноват, барин, кругом виноват. Запомню, что в них во двор до ветра выходил, а потом снять позабыл.

Загрязский. Значит, ты в барских сапогах до ветра ходишь? На моей кушетке хранишь? Вот уж я сам без полиции тебя проучу!

Степан. Не надо, барин, самому. Лучше в полицию.

Загрязский. Почему так?

Степан. Я нехорошо лаюсь, когда меня бьют розгами. Твоей милости это не понравится.

Загрязский. Гляди, какой заботник. Где платок?

Степан. Как где? Перед глазами твоей милости. Закрыв птицу, чтобы не орала. *(Загрязский перед зеркалом повязывает платок, прихорашивается)*. То ли ты делаешь, барин? Это в Петербурхе машкерады всем ведомы от царя до простого люда, а в Симбирске машкератства не видели, народ здесь лихой, и как раз намнут тебе бока. Оставь эту затею. Скоро твоя барынька явится, будет тебе с ней час поиграться.

Загрязский. Молчи, дурак! Как придёт Мими, так подай чай, конфеты, да сам жрать не вздумай! И скажи, что я скоро буду.

Попугай. Алекс! Дурак! Дурак! Алекс.

Степан. Ты вели своей барыньке, чтобы она меня не щипала. Чуть что не по ней, так она, ровно гусыня, шипит и норовит щипнуть.

Попугай. Алекс! Дурак!

Загрязский вынимает из ящика стола пистолет, грозит им птице и прячет под одеждо. Затем охорашивается возле зеркала и стремительно покидает помещение. Степан показывает ему вслед кулак, берёт гитару, валится на кушетку и, наигрывая «Камаринского», дрыгает ногами. Попугай эта забава крепко не нравится, и он

кричит. Степан соскакивает с кушетки и идёт, вскрикивая, вприсядку. В комнату входит Мими, подкрадывается к пляшущему мужику и хватает его за шиворот. От неожиданности Степан роняет гитару и враскорячку садится на пол.

М и м и *(в ужасе)*. Бедная моя гитара! Опять тебя терзает в своих грязных лапах оранжерейный мужик!

С т е п а н. Не изволь, барыня, гневаться. Струмент целёхонек.

М и м и. Я пожалуюсь Александру Михайловичу на твою грубость, когда он спустится вниз.

С т е п а н *(покрахтывая, встаёт на ноги)*. А я вот доложу барину, что ты его милость обзываешь по-собачьи.

М и м и. Это как я его обзываю? Что тебе в дурью твою башку взбрело?

С т е п а н. Вы его оба вместе с попугаем дразните: «Алекс! Алекс!»

П о п у г а й. Дурак! Дурак!

С т е п а н. Ну вот, что я тебе и говорил.

М и м и. Хватит болтать, мужик! *(Пауза)*. Но где же Алекс? Степанушка, скажи, почему нет Алекса?

С т е п а н *(переминается с ноги на ногу)*. Барин изволил недавно удалиться. А куда, не сказал.

М и м и. Как ушёл?

С т е п а н. Вестимо как, ногами.

М и м и. Может быть, он скоро вернётся?

С т е п а н. Может, и не задержится. Ты, барыня, располагайся, я сейчас чай подам, конфеты. *(Подаёт угощение)*.

М и м и *(жалобно)*. Куда же он направился? Говори, Степанушка, всю правду, а я тебе гривенник на водку пожалую.

С т е п а н. Умеешь ты ластиться... Вот ты захотела знать всю правду, а может, тебе её и не надо знать всю? А мне нет никакого резона расплачиваться за твою правду поротой спиной.

М и м и. Я никому не скажу, Степанушка. Вот тебе полтина. Говори.

С т е п а н. Ушёл твой Алекс проветривать женскую одежду.

М и м и. Это как... проветривать?

С т е п а н. Как, как... Нарядился старой барыней и улизнул куда-то.

М и м и. Старухой... Какой старухой? Ты, случаем, не врёшь?

С т е п а н. Соврал бы я тебе и даром, а ты за полтину получила от меня чистую правду.

М и м и. Скажи, Степанушка, а другой женщины сегодня здесь не было?

С т е п а н. Была. Как раз перед тобой.

М и м и *(возбуждённо)*. Кто она такая? Ты её знаешь?

С т е п а н. Как не знать? Она моя барыня, а я её крепостной мужик.

М и м и *(облегчённо)*. Фу!.. Ты меня совсем напугал. Марью Андреевну я знаю, недавно её дочери шила бальное платье. Она мне больше чем нравится: я её люблю.

С т е п а н. За что ты к ней так горячо дышишь?

М и м и. За то, что она Алекса любит и всё ему прощает.

С т е п а н. Тогда ты и меня должна любить. Я барину всё прощаю, а уж как люблю, так об этом вся дворня знает.

М и м и. Дурак! Дураком родился — дураком и помрёшь!

Мими принимается щипать мужика.

П о п у г а й. Дурак! Алекс! Алекс!

С т е п а н. Ой, барынька! Не балуй! Отпусти душу на покаяние! Ведь неровён час согрешу, видит бог, согрешу!

Где-то совсем близко раздаётся выстрел.

М и м и. Что это такое?

С т е п а н. Из ружья бабахнуло.

Слышны крики.

М и м и. Кто-то сюда спешит.

С т е п а н. Это беда... Ты дверь за собой на щеколду закрыла?

М и м и. Закрыла на крюк.

Степан срывается с места и бежит к двери. Слышны топот, крики.

Степан приводит Загрязского. Тот задыхливо дышит, салоп распахнут, воротник наполовину оторван.

З а г р я ж с к и й. Ты дверь хорошо запер?

С т е п а н. На все щеколды и на крюк.

М и м и. Ах, Алекс! Я вся из-за тебя испереживалась!

З а г р я ж с к и й. Не суегись, дорогая! Помогите мне переодеться. Чёртов князь! Он так пребольно пнул меня сапогом!

Крики усиливаются. Затем раздаются крепкие удары в дверь.

Д а д ь я н. Отворяй, трус! Я тебя на кусочки начну резать!

З а г р я ж с к и й. Стёпка! Хватай ружьё! Пали по супостату! Мими, растопырь штаны, я в них запыркну. Фрак давай! О господи, что за копуша!

Д а д ь я н. Зарежу мерзавца!

С т е п а н *(с ружьём в руках)*. Куда стрелять?

З а г р я ж с к и й. Если опрокинет дверь, то пали в упор!

Дадьяна урезонивает жандармский унтер-офицер Сироткин.

Д а д ь я н. Не смей ко мне прикасаться, жандармская морда!

С и р о т к и н. Извольте прийти в чувство, господин хороший, и не лайтесь: я при исполнении и, в случае явного бунта, согласно секретной инструкции, обязан применить силу.

Н е и з в е с т н ы й. Идёмте, князь. Губернатор-ветрогон забился, как таракан, в какую-нибудь щель, и его оттуда теперь можно достать лишь крутым кипятком.

С и р о т к и н. Ступайте, господа хорошие. Во дворце находится штаб-офицер. Сейчас он выйдет, и я буду обязан доложить, согласно секретной инструкции, о происшествии.

З а г р я ж с к и й. А этому проходимцу Стогову что здесь надо?

М и м и. Я рядом с тобой, Алекс. Все ушли. Успокойся. Видишь, я совершенно спокойна. Для этого мне достаточно, чтобы ты был рядом со мной.

З а г р я ж с к и й *(Степану)*. Отнеси ружьё. И сиди там, а сюда не высовывайся.

С т е п а н. Если что, так ты меня покричи, я мигом примчусь.

З а г р я ж с к и й. Хорошо, что у меня был пистолет. Я успел выстрелить вверх, осадить дикого князя, и только поэтому стою жив перед тобой.

М и м и. Он хотел тебя убить?

З а г р я ж с к и й. Я воевал, и кое-что о смерти мне ведомо. Князь выхватил кинжал длиной с мою руку и *(показывает)*, размахивая им, начал ко мне приближаться. Я вынул из-за пазухи пистолет... Хладнокровие мне не изменило, я направил пулю чуть в сторону от его уха, это князя смутило, и мы с ним расстались.

М и м и. Он тебя, наверно, не узнал, ведь ты был в женской одежде. Но зачем это тебе понадобилось? Я просто сгораю от любопытства... и ревности.

З а г р я ж с к и й. Наверно, все в мире подвержены ревности. Все, кроме меня. Почему мне понадобилось переодевание? Всё очень просто: я слишком хорошо известен, чтобы устраивать внезапные проверки в губернтском городе. А под видом старухи я смог узнать много из того, что думают о губернаторе обыватели, кто верховодит нищими в воровской слободе, что в овраге, как работает полиция, пожарный обоз. Слышал много разговоров и о себе. В них мне не понравилось только одно: оказывается, простонародье называет меня губерном. Я — не его превосходительство, не губернатор, а какой-то губер. Это нонсенс!

М и м и. Как я была глупа, Алекс! Я ведь грешным делом заподозрила тебя в неверности.

З а г р я ж с к и й. Ревность освежает притупившиеся чувства. Но твои подозрения вздорны.

М и м и *(раскинувшись на кушетке)*. Я так волновалась, что только нежность может меня утишить. Иди ко мне, мой дорогой Алекс, я хочу ощутить твоё дыхание, твои руки...

Раздаются крепкие удары в дверь.

С т о г о в. Александр Михайлович! Ау!.. Именем закона извольте открыть двери штаб-офицеру Симбирской губернии!

З а г р я ж с к и й. Проклятый жандарм! Позови Степана, пусть задержит Стогова разговором, а я уйду наверх.

Мими спешит в оранжерею и возвращается со Степаном.

С т е п а н. Эй, кто там ломится?

С т о г о в. Открой, дурак! Я — штаб-офицер Симбирской губернии.

С т е п а н. Что людей переполошил? Откуда мне знать, жандарм ты или разбойник?

С т о г о в. Поговори там у меня! Запру на месяц в холодную. Открой немедленно!

С т е п а н *(ворчливо)*. Как я скоро открою, когда у меня опорки куда-то завалились?

С т о г о в. Иди босым!

С т е п а н. Уже иду! Только если ты разбойник, то сразу беги, а то у меня в руках ружьё с пулей.

Стремительно появляется штаб-офицер, обходит всю комнату.

С т о г о в *(Степану)*. А ну брысь отсель!

М и м и *(берёт в руки гитару и начинает перебирать струны)*. Слышала, что вы, господин штаб-офицер, недавно из столицы и не женаты. Может быть, вы привезли с собой слова какой-нибудь модной песенки?

С т о г о в. Песенки у всех, с кем начинает беседовать жандарм, всегда одни: враньё, враньё и враньё.

М и м и. Вы клеветаете на честную женщину. Я вам не лгала.

С т о г о в. Это потому, что я с вами не разговаривал.

М и м и (*жеманно*). Но почему бы нам не поговорить?

С т о г о в. Здесь только что был губернатор. Это так?

М и м и. Я, кажется, засиделась. На минутку забежала к Степанушке и засиделась.

Степан этим заявлением заметно удивлен.

С т о г о в (*Степану*). Здесь был сейчас губернатор?

С т е п а н. Вроде не был... Может, как бы... нет, не знаю...

С т о г о в (*Мими*). Последний раз спрашиваю: был ли здесь только что Загряжский?

М и м и. Ах! Оставьте меня в покое. Зачем вы нас мучаете?

С т о г о в (*перехватил рукой гриф гитары и отнял её у Мими*). У меня и мыслей нет кого-нибудь мучать. Я, согласно секретной инструкции, веду служебное расследование, коему все подданные Российской империи обязаны оказывать содействие. У меня один вопрос: кто только что был в этой комнате? (*Пауза*). Стало быть, решили молчать. Мужик молчит, потому что ему так привычнее. А вы, мадам? Вы ведь у нас как бы благородная. Как же... Мадам Мими! А в паспорте у тебя прописано другое: каширская мещанка Матрёна Игрунова. Или не так?

М и м и. Здесь были только я и Степанушка. (*Выдерживает испытующе-насмешливый взгляд и хохоток жандарма*). Разве мои чувства к нему так уж и смешны?

С т о г о в. Какие ещё чувства? Всё это — дешёвое представление. Но ты, Матрёна, не стесняйся, приголубь своего Степанушку, а я поднимусь наверх и приглашу губернатора полюбоваться пикантным натюрмортом: его пассия в объятиях мужика. Но его превосходительство временно недоступен, ибо спрятался на кровати за спиной супруги. Нечего сказать, ловок! Поэтому я своё расследование откладываю до утра. А ты, Игрунова, не забывай, кто ты есть. Будешь ваньку валять, отправлю с ближайшей партией арестантов к месту выдачи паспорта.

Стогов, погрозив Степану кулаком, уходит.

М и м и (*всхлипывая*). Я за свою жизнь никому зла не причинила, а он меня хочет с арестантами по этапу. Что мне делать в Кашире? Откуда на мою голову этот жандарм взялся! Прежний полковник Маслов был душкой, цветы мне дарил и каблуками щёлкал. А этот штаб-офицер будто за тем и явился, чтобы мне досадить. Гад, вот гад! В каком только болоте вырос?

С т е п а н (*поглаживая её по голове*). Ах, ты несчастенькая! Нетути у тебя удачи с барином. Ему ты — живая игрушка: поиграется, надоест и бросит. Шла бы ты, болезная, к своему отцу с матерью. Они бы тебя, голубку, приветили, приласкали, обогрели...

М и м и (*крепко осерчав*). Дурак! Какие отец с матерью? Нет их у меня и никогда не было. Где же я их сейчас найду? Без тебя, дурака, тошно, а ты меня ещё своими лапшами покарябал.

С т е п а н. Эх, болезная! Это ты не на меня ругаешься, а на себя...

На лестнице слышится разговор. Мими подхватывается с кушетки и прячется за одной из дверей. На лестничной площадке появляются Гончаров и Лиза.

Л и з а. Вот мы и пришли, Иван Александрович! Признаться, я и не предполагала, что вы здесь никогда не были.

Г о н ч а р о в. Разговоры о зимнем саде я, конечно, слышал. О том же мне докладывали живые цветы, которые всю зиму украшали главные помещения дворца. Но здесь я впервые.

Л и з а. Не правда ли, как восхитительно? Когда мы сюда приехали, сад был гораздо беднее, но папа удалось очень скоро его обогатить новыми растениями.

Г о н ч а р о в. Я не знаток оранжерейных премудростей, но здесь мне нравится. Конечно, днём в солнечную погоду сад смотрелся бы гораздо привлекательнее, но и сейчас он по-своему хорош и даже таинственен.

Л и з а. Два года назад я здесь играла с оранжерейным мужиком в прятки и так ловко спряталась, что он едва меня нашёл.

Г о н ч а р о в. Нам этот мужик как раз и нужен. Кликните его, Елизавета Александровна.

Л и з а (*кричит*). Степан! Степан!

Лиза и Гончаров спускаются вниз. Оранжерейный мужик выходит из-за дверей.

С т е п а н. Я тут, барышня. Чего изволите?

Г о н ч а р о в. Его превосходительство велел мне узнать, кто здесь сейчас находится?

С т е п а н. Тут весь день кто-нибудь да топчется. Вот-вот ушёл барин, страху на меня нагнал, как банного пару, я ажно вспотел. А теперь его нет здесь.

Г о н ч а р о в. Ты его знаешь? Он здешний?

С т е п а н. Как есть здешний начальник над жандармами, которые возле крыльца

стоят день и ночь.

Л и з а. Это, верно, Эразм Иванович Стогов?

С т е п а н. Не знаю, как его звать-величать, но страсть какой грозный. И что у меня за жизнь растакая! Без ору или кологушки дня не проходит. Вы, мои хорошие, можете здесь оставаться, а я пойду восвоюся.

Г о н ч а р о в. Пожалуйста, уходи, но после нас, ведь тебе торопиться некуда.

С т е п а н. Ещё как есть куда торопиться: в людскую, место для спанья занять, совсем тесно в избе стало.

Г о н ч а р о в. Наверно, чужие понаехали?

С т е п а н. Какое понаехали — все свои. Дворовые бабы пустыми не ходят.

Г о н ч а р о в. Как же вы там помещаетесь?

С т е п а н. Мы все по кругу живём, и места хватает. Баба отымет у дитя сиську и отправит его на полати, там он живёт, пока ноги умещаются. С полатей спрыгивает на пол, на нём, подстелив овчину, и спит. Затем занимает мужицкое место на лавке, пока его с неё молодые да здоровые не столкнут.

Л и з а. Где же тогда он живёт, где отдыхает?

С т е п а н. Как где? На кладбище. Там места не меряно, и всем хватит.

Г о н ч а р о в. Тебе туда ещё не скоро, но ты поторопись занять своё место на лавке, а то вдруг опоздаешь.

С т е п а н. Твоя правда, барин. То-то я и гляжу, что на моё место стал примащиваться портомойкин пащенок. (*Уходит*).

Г о н ч а р о в. Пойдёмте, Елизавета Александровна. Его превосходительство, кажется, чем-то встревожен. Возможно, у него нелады с штаб-офицером, и то, что Стогова здесь нет, вашего отца успокоит.

Л и з а. Иван Александрович... Я хочу вас спросить...

Г о н ч а р о в. Пожалуйста, говорите, Елизавета Александровна.

Л и з а. Маменька вчера обмолвилась, что вы скоро уедете в Петербург. Это правда, что вы намерены нас покинуть?

Г о н ч а р о в. Да, правда, и об этом известно всем.

Л и з а. Но я впервые об этом узнала. И сегодня, нет-нет, подумаю о том, что вы скоро уедете, и мне становится грустно.

Г о н ч а р о в. Вюности люди легко привязываются друг к другу, потому что их чувства ещё свежи, впечатления не запятнаны сомнениями. Радуйтесь тому, что вы такая, и постарайтесь сберечь в себе как можно дольше искренность и непосредственность.

Л и з а. Да-да, вы, конечно, всё говорите правильно, но мне почему-то сейчас хочется пошалить, побегать... Знаете что: давайте поиграем в прятки. Видите, сколько здесь мест, где можно спрятаться?

Г о н ч а р о в (*обеспокоенно*). В прятки?.. Не знаю, что и сказать. Я, помнится, и в детстве не знал этой забавы. К тому же нас ждут.

Л и з а. Но я хочу играть! Разве это невозможно — мне с вами поиграть?

Г о н ч а р о в. Почему же невозможно: в губернаторской библиотеке можно взять хотя бы последнее полное издание «Евгения Онегина» и погадать.

Лиза начинает подниматься по лестнице. Гончаров следует за ней.

Не дойдя двух ступеней до площадки, она, ойкнув, хватается за перила.

Г о н ч а р о в. Что с вами, Елизавета Александровна?

Л и з а. Кажется, ногу подвернула.

Г о н ч а р о в. Идти можете?

Л и з а (*пробует встать прямо*). Нет, не смогу.

Г о н ч а р о в. Что же делать? Вы побудьте здесь, а я схожу кликну кого-нибудь на помощь.

Л и з а. Мне чужая помощь не нужна. Берите меня на руки!

Г о н ч а р о в. Но я не могу... Нет, я не смею...

Л и з а. Держитесь крепче на ногах, я сейчас обхвачу вас руками за шею. (*Обхватывает Гончарова руками за шею*). Что вы тарашитесь? Поднимайте меня на руки и несите.

Г о н ч а р о в. Что делать, если кто-нибудь нам встретится?

Л и з а. Я буду стонать и жаловаться на плохое самочувствие.

Г о н ч а р о в. Нет, я этого не смогу сделать, не смею. Я сейчас кликну Ивана Васильевича, и мы вдвоём унесём вас отсюда.

Л и з а (*отступает на полшага от Гончарова*). Не понимаю, как эта странная, даже дурацкая мысль могла вам явиться?

Г о н ч а р о в. Что же в ней странного?

Л и з а. Во-первых, мне Иван Васильевич неприятен.

Г о н ч а р о в. Он смотрится очень достойно.

Л и з а. Пусть так! Но у него из ушей растут волосы.

Г о н ч а р о в. Это ужасно!

Л и з а. Во-вторых... Во-вторых, я требую, чтобы меня несли вы!

Г о н ч а р о в. Может быть, Елизавета Александровна, вы всё-таки попробуете легонько наступить ногой на пол.

Л и з а. Это ещё зачем?

Г о н ч а р о в. Вдруг боль отступила?

Л и з а. Иван Александрович, я удивлена вашей непонятливостью. Но хорошо! Если вы мне не верите... *(Лиза наступает повреждённой ногой на пол и резко вскрикивает. Гончаров успевает её подхватить)*. Ну что, довольны?

Г о н ч а р о в. Вы меня убедили. Что я должен делать?

Л и з а. Возьмите меня на руки и несите.

Г о н ч а р о в. Я всё-таки кликну Ивана Васильевича.

Л и з а. Долго вы меня будете мучать своей нерешительностью? Поучились бы обхождению у Дадьяна: Оленька Баратаева чуть споткнулась, и вмиг князь подхватил её на руки.

Г о н ч а р о в. Этим обидным сравнением вы меня понуждаете к безумству!

Он подхватывает Лизу на руки, кружится с ней и уносит.

Мими появляется из своего укрытия.

М и м и. Какая бойкая барышня! Вся в своего папашу, в моего ненаглядного ветреника Алекса. Этот байбак Гончаров отнекивался и так, и сяк, но Лиза его одолела. Интересно, он догадается чмокнуть её в щеку? На большее он не осмелится, явно не гусар, даже не артиллерист. Наверно, поднял барышню на верхний этаж, обессилел и стал негоден ни на что.

На лестнице появляется Загрязский.

З а г р я ж с к и й *(озабоченно)*. Ты не видела, что тут случилось с Лизой?

М и м и. Девочка повредила ножку. Господин Гончаров помог ей подняться на этаж.

З а г р я ж с к и й. Да, помог.

М и м и. Что-то не так с Лизой?

З а г р я ж с к и й. Выхожу из кабинета и вижу: Гончаров несёт мою дочь на руках, а та льнёт к нему и посмеивается.

М и м и. Они ведь молоды. Вспомни, когда ты меня последний раз на руки брал?

З а г р я ж с к и й. А разве такое было? Что-то я не припоминаю?

М и м и. Тогда не поленись заглянуть на первую страницу альбома наших встреч. *(Пауза)*. Ну и что ты там прочитал?

З а г р я ж с к и й. Чёрт возьми! Ты права, я внёс тебя сюда на руках, через оранжерею, и опустил на кушетку. Затем был великолепный ужин с шампанским, затем...

М и м и. Затем я пожаловалась, что мне прохладно, и ты принёс полную корзину роз и накрыл меня одеялом из благоухающих лепестков. Всё помнится так возвышенно и прекрасно, что порой я сомневаюсь, что это было на самом деле. Может, это моя выдумка, а ты с ней согласился, чтобы мне угодить?

З а г р я ж с к и й *(берёт гитару)*. Мы сейчас спросим об этом гитару. Она была свидетельницей нашего первого вечера.

М и м и. Верно. Ты подарил мне красивый и чувствительный романс.

З а г р я ж с к и й *(поёт)*.

*Я не выдумал вас — вы живая.
Из безумной сумятицы дней
Вы явились, влюблённо сияя,
Как души отраженье моей.*

*Наша встреча продлилась мгновенье.
В разноликом кипенье толпы,
Не коснувшись друг друга, как тени,
Разошлись мы по воле судьбы.*

*Я искал вас. Надежду на встречу
Не утратил, живя суетой.
И ваш образ в разлуке сердечной
Не завял, не подёрнулся мглой.*

*И недавно мне было виденье:
В свете, что воссиял из окна,
Предо мною, всего на мгновенье,
Вы соткались из яви и сна.*

*Я окно распахнул. Над оградой
Чья-то жизнь закатилась звездой.
Помню запах цветущего сада,
Росный след на траве молодой.*

*Я не выдумал вас — вы живая.
Из безумной сумятицы дней
Вы явились, влюблённо сияя,
Как души отраженье моей.*

Пауза.

Загрязский. Что же ты меня не похвалишь?

Мими. Для меня этот романс прозвучал как напоминание о чём-то знакомом.

Загрязский. Он тебе кого-то напомнил?

Мими. Не хотелось бы об этом говорить.

Загрязский. Нет уж, говори. Не заставляй меня быть ревнивцем.

Мими. Хорошо. Скажу, но только ты обещаешь мне не принимать это всерьёз. Обещаешь?

Загрязский. Конечно, обещаю.

Мими. За последние две недели я получила несколько записок от неизвестного мне человека.

Загрязский. Это становится интересным. И что же ищет твой инкогнито?

Мими. Ты сам можешь представить себе, что ищет мужчина у красивой и незамужней женщины.

Загрязский. Мне кажется, что тебе известен этот нахал. Во всяком случае, догадываешься.

Мими. Возле моих окон ходит много народу, мне кажется, он один из офицеров батальона. Но скоро я могу узнать о нём всё.

Загрязский. Каким образом?

Мими. Он пригласил меня на свидание.

Загрязский. И ты мне говоришь об этом так спокойно?

Мими. А чему здесь радоваться или негодовать?

Загрязский. Ты это всё выдумала, чтобы меня позлить.

Мими. А вот и нет! *(Показывает записку)*. Вот она!

Загрязский *(сердито)*. Покажи, что там написано!

Мими. Как бы не так!

*Короткая погоня. Загрязский настигает Мими. Они сплетаются в объятьях.
Медленно гаснет освещение.*

Занавес

Действие II

*Обстановка на сцене та же, что и в первом действии. Позднее утро.
На кушетке спит Загрязский. По лестнице спускается Иван Васильевич,
который предупреждающе кашляет.*

Загрязский. Прочь, прочь... Я поставлен императором (начинает похрапывать).

Иван Васильевич. Разоспался всласть, так и проспит всё царствие небесное. А свою беду уж точно проспал. Поди, кувыркался всю ночь с пассией, а теперь знай посапывает. *(Подходит к кушетке)*. Ваше превосходительство... Ваше превосходительство, проснитесь. Ваше превосходительство...

Загрязский *(машет рукой)*. Ступай, Иван Васильевич, распорядись всеми делами без меня.

Иван Васильевич. Не могу, ваше превосходительство. Там наверху такое, что требуется ваше присутствие и немедленное.

Загрязский. Что, флигель-адъютант граф Протасов опять явился с ревизией?

Иван Васильевич. С этим бог миловал.

Загрязский *(сидя)*. Так что тебя так напугало?

Иван Васильевич. Вернее будет сказать, кто.

Загрязский. Экий ты буквоед! Пусть будет кто.

Иван Васильевич. Полчаса назад явились Баратаев и Дадьян. Требуют вас.

Загрязский. Зачем я понадобился им в такую рань?

Иван Васильевич. Сие мне неизвестно, но оба князя настроены весьма категорически.

Загрязский. Что они говорят?

Иван Васильевич. Если бы говорили, а то кричат во весь голос. Баратаев

требует какую-то сатисфакцию, а Дадьян клянётся всеми камнями родного аула, что зарежет ваше превосходительство.

Загрязский. Зарежет?.. Меня?.. За что?..

Иван Васильевич. Об этом вашему превосходительству лучше знать.

Загрязский (*вскакивает*). Где мои штаны?

Иван Васильевич. На полу, ваше превосходительство. Господа Баратаев и Дадьян крепко возбуждены и не слушают никого: ни меня, ни дежурного жандарма. Требуют вас.

Загрязский. Что я, совсем без ума, чтобы даться в руки этим буянам. Что-то надо делать, но что?

Иван Васильевич. Здесь налицо неуважение к власти и попытки покушения на особу, коя в Симбирской губернии представляет государя-императора.

Загрязский. Вот именно особу! Надо послать за штаб-офицером, нечего ему выпытывать у старух сплетни. Пусть займётся настоящим делом. Это ведь бунт, да, бунт! Чего же вы медлите? Бегите к Стогову, пусть он поднимает жандармскую команду и арестует заговорщиков.

Иван Васильевич. Я позволил себе от вашего имени вызвать Стогова во дворец.

Загрязский. Что же он не торопится?

Иван Васильевич. Наверно, он уже на подходе. Разрешите, ваше превосходительство, встретить штаб-офицера?

Загрязский. Да, поторопись... Хотя постой! Скажи, Иван Васильевич, это правда, что ты удачно разгадываешь сны?

Иван Васильевич. Иногда получается.

Загрязский. Присядь на стул, чтобы не упасть. То, что я до тебя доведу, Иван Васильевич, совершенно секретно, потому что касается особы императорского дома.

Иван Васильевич. Ваше превосходительство, вы меня знаете: я нем как рыба.

Загрязский. Приснилось мне сегодня, прямо скажу, сверхстранное событие, которое в какой-то мере со мной уже происходило наяву. Вон из-за той пальмы вышел великий князь Константин Павлович и, кивнув на моё приветствие, сказал: «Брат просил меня узнать, что ты просишь за свою верность престолу в часы дворянского бунта?» Я отвечаю: «Хочу начальствовать над губернией». — «А не много ли будет — губернатором?» Я не растерялся: «Для императора нет ничего невозможного». — «Ты прав, — сказал великий князь. — Для него очень просто отправить тебя начальствовать тюленями на Камчатку...»

Иван Васильевич. Это весь сон?

Загрязский. Разве этого мало? Я вижу в своем сне намек, что могу загреть под фанфары в камчатскую Тмутаракань.

Иван Васильевич. Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Кажется, я постиг значение сновидения.

Загрязский. Да? Тогда тебе цены нет.

Иван Васильевич. Как же нет? Есть — девятьсот пятьдесят рублей в год ассигнациями.

Загрязский. Будут тебе к Троице сверхординарные награды. А сейчас говори.

Иван Васильевич. Ваш сон напрямую связан с жандармским штаб-офицером.

Загрязский. Даже так? И как же связан?

Иван Васильевич. Очень просто: Эразм Иванович, прежде чем получить назначение в Симбирск, почти пятнадцать лет служил во флоте на Дальнем Востоке, в основном на Камчатке и в Охотске.

Загрязский. А ведь ты прав. Я сам это от него слышал. Но какие для меня будут от этого сна последствия по службе?

Иван Васильевич. Скорее всего, ваша карьера получит новое развитие и к этому будет причастен штаб-офицер. А вот каким образом, про это я не догадываюсь.

Загрязский. Может, мне пожалуют действительного статского советника. Беда быть просто статским: выше, чем полковник, но ниже, чем генерал. Меня величают вашим превосходительством как бы авансом, но иной назовёт превосходительством, а рожу скорчит, будто я у него это выпросил взаймы.

Иван Васильевич. Вы бы оделись, ваше превосходительство. Стогов явится с минуты на минуту. Не надо забывать и того, что Баратаев и Дадьян из вашего кабинета уходить не собираются.

Загрязский. Ступайте, Иван Васильевич. А я тем временем приберусь и расчесу свои кудри.

Иван Васильевич уходит. Загрязский поправляет одежду перед зеркалом,

расчесывается. Входит штаб-офицер. Он деловит и многозначителен.

Загрязский. Эразм Иванович, это невероятно: дворяне княжеских фамилий взяли губернатора в осаду. Хорошо, что вы явились, а то мог бы угодить в заложники.

Стогов. Врагов у вас гораздо больше, чем вы можете себе представить.

Загрязский. Как? Кроме этих, есть и ещё, кто желает мне худа?

Стогов. Вчера вечером до тридцати молодых дворян составили против вас заговор и решили, как только вы придёте в благородное собрание открывать выборы, вас схватить, оголить ниже пояса и высечь.

Загрязский. Что? Как вы сказали?

Стогов. Высечь. Повторяю по слогам: вы-сечь!

Загрязский (*лепечет*). В чём они меня обвиняют?

Стогов. В том, что у вас слишком длинный и поганый язык.

Загрязский. Вы меня оскорбили. Объяснитесь.

Стогов. Вы признаете, что говорили графу Толстому о якобы имевшейся у вас связи с Оленькой Баратаевой?

Загрязский. Это было с моей стороны всего лишь шутливое предположение.

Стогов. Но этого оказалось достаточно для того, что князь Дадьян устроил на вас засаду и, когда вы появились у дома предводителя, стал за вами гнаться, почти задержал, но вы остановили его пистолетным выстрелом. После столь жарких событий не удивительно, что князь пришёл к Баратаеву и расторг помолвку с его дочерью. Баратаев намерен обратиться с жалобой к дворянству, а Дадьян клянётся, что набьёт вам рожу или зарежет.

Загрязский. И что, я во всём этом виноват?

Стогов. Другого виновника я не вижу.

Загрязский. Мне плохо. Голова... Что-то вступило в голову...

Стогов. В вашем положении сказать больным очень своевременно и умно. Но это не спасёт вас от кинжала оскорблённого князя.

Загрязский. Эразм Иванович, голубчик, освободите меня от этого ревнивца.

Стогов. Я его могу, конечно, застрелить, но с Кавказа явятся его родичи и по мою душу. Нет, я умываю руки.

Загрязский. Хорошо. Я согласен признать, что вёл себя недостойно.

Стогов. Я приму ваше признание только в письменном виде.

Загрязский. Но здесь нет ни бумаги, ни чернил.

Стогов. Я об этом позаботился. Сироткин!

Унтер-офицер раскладывает на столе бумагу, перо и чернильницу.

Загрязский. Что писать?.. А может, обойдёмся беседой?

Стогов. Это исключено. Все свои шалости опишите подробно, чтобы я мог приступить к официальному расследованию.

Загрязский пишет объяснительную записку. Стогов за ним присматривает.

Загрязский. Я могу надеяться на благоприятный исход дела?

Стогов. Только в том случае, если будете неукоснительно выполнять мои указания и поймёте, что я за жизнь вашу и гроша ломаного не дал бы, не будь вы начальником губернии. Я буду защищать от посягательства вашу должность, и пока вы на ней состоите, то и лично вас.

Загрязский. Надо решить это дело без большой огласки.

Стогов. Идите в свой кабинет и заткните рот князю Дадьяну, который на весь Симбирск орёт, что губернатор подлец и подонок. Допишите внизу обязательство ничего не предпринимать без моего ведома.

Губернатор дописывает документ и отдаёт Стогову.

Загрязский. Полагаюсь во всем на вашу порядочность.

Стогов. Теперь слушайте меня в оба уха. С этого момента здесь будет находиться штаб расследования.

Загрязский. Вы обязаны обеспечить мою безопасность.

Стогов. Будете находиться в соседней комнате, но сидите там тихо и ничему не удивляйтесь, когда я буду допрашивать тех, кто замешан в этом деле непосредственно. Согласны?

Загрязский. Даю честное слово.

Стогов. Нет, вы в своей записке допишите это обязательство.

Погаёт ему бумагу.

Загрязский. За этой дверью находится чулан. Я возьму туда подушку, одеяло и устрою себе лежбище на сундуке.

Берёт подушку, одеяло и заходит в чулан.

Стогов. И ни звука оттуда. Сироткин! (*Жандарм выходит из своего укрытия*). Веди сюда задержанного князя Баратаева, а начальнику команды скажи, чтобы он тщательно обыскал князя Дадьяна и изъясил у него все режущие и колющие предметы.

Загрязский (*высовывается из чулана*). Про кинжал пусть не забудет, он у него всегда за пазухой! Эразм Иванович, вы про дворян, что постановили меня выпороть, не забыли?

С того в. Как можно об этом забыть? Всё будем решать в комплексе. А теперь прячьтесь!

*Входит Баратаев, он одет парадно, с орденами, в руке трость.
Стогов указывает ему на стул. Помедлив, князь садится.*

Баратаев. Я арестован?

С того в. Помилуйте, князь. Жандармы арестами не занимаются.

Баратаев (*скептически*). Разве граф Бенкендорф занимается только благотворительностью?

С того в (*достаёт из кармана носовой платок*). Знаете, что это такое?

Баратаев. Платок и ничего больше.

С того в. Этот платок я получил от графа как ответ на вопрос: «Чем должен заниматься губернский штаб-офицер?» Шеф корпуса жандармов вручил мне платок со словами: «Утирайте слёзы несчастным».

Баратаев. Я в вашем платке не нуждаюсь.

С того в. У вас, князь, должны быть верные представления о власти с тех пор, как вы побывали в Петропавловской крепости.

Баратаев. Подозрения с меня давно сняты, и я пользуюсь всеми правами как дворянин.

С того в. Никто ваших прав не отнимает, но существует и дворянская ответственность. И вы не подумали о ней, имея сейчас в кармане поджигательную речь, которую намерены огласить сегодня при открытии благородного собрания.

Баратаев. Кто вам это сказал?.. И моя речь не направлена против правительства.

С того в. Мне достоверно известно, что вчера вы ознакомили в своём кабинете с проектом своего выступления трёх помещиков, которые тут же растрезвонили о вашей обиде на Загрязского всему Симбирску. И, не имея никакого желания защищать его как частное лицо, я обязан не допустить публичного оскорбления губернатора как высшую власть в губернии, поставленную императором.

Баратаев. Вы не знаете всех обстоятельств!

С того в. Знаю, даже более, чем вы, иначе какой я был бы жандарм, если не ведал о такой мелочи?

Баратаев. Вы молоды, вы не отец и не можете понять мои чувства.

С того в. Я не только сочувствую вашему оскорблению, но и, поверьте, глубоко переживаю вместе с вами.

Баратаев. Если это так, то вы не должны вступаться за мерзавца!

С того в. Я и не думал заступаться за Загрязского, но не могу допустить оскорбления губернатора, поэтому вы не будете говорить против губернатора речи и запретите буйнам, которые составили разговор и решили выпороть его превосходительство, поднимать руку на государственное лицо.

Баратаев (*спесиво*). Как это вы сможете мне запретить?

С того в. Оглянитесь по сторонам. Во дворце дюжина жандармов, сзади вас находится дверь в чулан. И если вы не оставите пагубных намерений, то будете сидеть в чулане до окончания дворянского собрания, а тем временем я получу из Петербурга повеление, как с вами распорядиться в дальнейшем.

Баратаев. Вы этого не сделаете, чтобы ещё более не усугубить полученное мной оскорбление.

С того в. Подумайте, князь, куда вы пытаетесь повести всё дворянство? Оно, в порыве первых чувств, сделает преступление против начальника губернии, чего государь ни оставить, ни оправдать не сможет, а вы будете заглавным бунтовщиком. Лживые слова губернатора против вашей дочери огласятся на всю Россию, хотя я знаю, что она во всём чиста и непорочна, а пустое хвастовство не сдержанного на язык человека может быть поправлено самым благоприятным для вас образом.

Баратаев. Если вы по-жандармски всеведущи, то, конечно, знаете, что князь Дадыян отказался от женитьбы.

С того в. Знаю всё подробно, как и то, что и вы, и князь Дадыян, и ваша дочь имеют право на удовлетворение.

Баратаев. Молодой человек, вы много на себя берёте, давая такие обещания.

С того в. Я вник в это дело и вижу, что всё оно — ложь и глупость. Но вы скандалом ничего не поправите, а я, сочувствуя вам сердцем и душой, хочу привести всё к общему спокойствию и удовлетворению. В противном результате я возьму всю вину на себя. И вам, князь, я предоставляю выбор: или довериться мне, или быть помещённым в чулан под арест. Если вы согласны с первым пунктом моего предложения, то прошу это подтвердить письменно.

Б а р а т а е в. Хорошо, я согласен, но оставляю за собой право действовать по своему усмотрению, если к сегодняшнему вечеру дело не разрешится.

С т о г о в. Вы не пожалеете о своём решении. А сейчас напишите крошечную записку, что вы прекращаете заговор дворян против губернатора и отказываетесь от произнесения речи в благородном собрании.

Б а р а т а е в (*намереваясь уходить*). Мне кажется, что вы, поддавшись благородному порыву, взяли дело не по своим силам.

С т о г о в. Не всегда гром гремит из большой тучи. Подождите — и увидите.

Баратаев уходит. Появляется унтер-офицер.

С и р о т к и н. Ваше высокоблагородие! К вам её превосходительство рвётся.

С т о г о в (*грозит унтеру кулаком*). Что делать, пропусти.

З а г р я ж с к а я. Эразм Иванович, голубчик, что происходит? Где Александр Михайлович? Что с ним?.. Он жив?

С т о г о в. Александр Михайлович, ау! Как вы там? Откликнитесь!

З а г р я ж с к и й. Можно выглянуть?

С т о г о в. Разрешаю выйти. Две минуты на свидание с супругой. Но поторопитесь. Сейчас на допрос явится князь Дадыян.

Супруги бросаются друг другу в объятия.

З а г р я ж с к а я. Ах, Алекс! Опять твои шалости довели нас до беды.

З а г р я ж с к и й. Эразм Иванович, душечка, обещал всё устроить. И ты попроси его об этом.

З а г р я ж с к а я (*умоляюще*). Спасите Алекса, господин штаб-офицер! Он честный, он не берёт взяток, все, кроме кучки вздорных людишек, его хвалят, он отдаёт всего себя управлению губернией. Ужели случайная шалость поставит крест на карьере выдающегося администратора? Умоляю вас, Эразм Иванович, не дайте свершиться вопиющей несправедливости, исполните свой долг штаб-офицера и христианина!

С т о г о в. Сделаю всё, что в моих силах. К сожалению, дело зашло слишком далеко, и вы, и его превосходительство должны быть готовы представить обиженной стороне достойное удовлетворение.

З а г р я ж с к а я. Ты слышишь, Алекс? Исполни всё, что велит господин штаб-офицер.

С т о г о в. Сироткин! Проводи её превосходительство. Да не в ту дверь, а в эту! И вы, господин Загряжский, прячьтесь! Слышите топот? Это не конь, а князь показывает недовольство своим задержанием без объяснения причин.

Входит Дадыян. Загряжский уже в чулане.

Д а д ь я н. Чему я обязан столь странным к вам приглашением?

С т о г о в. Прежде всего, князь, здравствуйте и извольте присесть; мне нужно с вами поговорить.

Д а д ь я н (*кобенясь*). Ну-с, и чем вы меня придумали обрадовать?

С т о г о в. Вы, князь, огорчены и раздражены из-за глупой сплетни, которую доставил вам граф Толстой.

Д а д ь я н. Это не сплетня. Я застукал Загряжского, переодетого старухой, возле ограды дома моей бывшей невесты.

С т о г о в. Скорее всего, вам это приоблазнилось.

Д а д ь я н (*вскочив на ноги*). Я, милостивый государь, с тридцати шагов попадаю в туза с первого выстрела.

С т о г о в. Я говорю не о вашей меткости в стрельбе, а о том возбуждённом состоянии, в котором вы вчера находились.

Д а д ь я н (*сидя на стуле*). Желал бы я знать, какое вы имеете право мешаться в чужие дела?

С т о г о в. Вы точно сказали: права вмешиваться у меня нет, но зато есть нечто гораздо большее: обязанность исполнять секретную инструкцию, утверждённую императором. Но вы, князь, зря впадаете в амбицию, поскольку, узнав мои намерения, не отвергнете моего участия.

Д а д ь я н. Я не имею нужды на ваше участие!

С т о г о в. Дело в том, что в этом имею необходимость я.

Д а д ь я н. Позвольте тогда узнать, зачем вам нужно совать нос в мои дела?

С т о г о в. Вы, князь, намерены разбить рожу губернатору публично?

Д а д ь я н. Почему вас это беспокоит?

С т о г о в. До рожки Загряжского мне нет никакого дела, но его рожка принадлежит губернатору, а это меняет вид дела. В круг моих должностных обязанностей входит устранение публичных оскорблений власти, поставленной государем; я пришёл доложить вам: пока Загряжский состоит губернатором, вы не исполните своего намерения.

Д а д ь я н (*кобенясь*). Кто может остановить меня?

С т о г о в. Губернский штаб-офицер подполковник Стогов.

Д а д ь я н. Каким это таким образом?

С т о г о в. Я прошу вас не оскорблять Загряжского, пока он губернатор, и дайте в этом честное слово.

Д а д ь я н. А если я вам слова не дам?

С т о г о в. Тогда я буду вынужден вас арестовать!

Д а д ь я н. Как? Вы сказали, арестовать меня?

С т о г о в. Да, князь. Вы вынуждаете меня поступить именно таким образом. И я это исполню.

Д а д ь я н. Вы не посмеете этого сделать! Здесь задеты вопросы чести дворянина.

С т о г о в. Я это понимаю, сочувствую вам, но буду вынужден прибегнуть к аресту.

Д а д ь я н. Разве у вас есть такое право?

С т о г о в. Жандармы руководствуются не правом, а высочайше утверждённой секретной инструкцией.

Д а д ь я н. Вам не понять, что я оскорблён до глубины души.

С т о г о в. Я искренне вам сочувствую.

Д а д ь я н. В чем же ваше сочувствие? Каким образом вы поймёте, что этот поганец из счастливого человека сделал меня несчастным?

С т о г о в. Выслушайте меня без раздражения. Прежде всего, скажу вам, что скоро вы будете счастливы.

Д а д ь я н. Я вам не верю и вижу, что вы ничего не знаете.

С т о г о в. Дорогой мой князь! Какой бы я был жандарм, если бы не знал всего. Я знаю о вашем деле много больше вашего.

Д а д ь я н. Тогда скажите, что вам известно?

С т о г о в. Очень охотно: хвастун Загряжский счёл гордостью для себя похвастать интригой с девушкой из уважаемого семейства перед графом Толстым; последний счёл нужным предупредить вас. Правы и Толстой, и вы, презренно виноват Загряжский. Я рад удостоверить вас своим словом, что ничего не было, и Загряжский солгал.

Д а д ь я н. Но он отирался возле дома моей невесты переодетым старухой.

С т о г о в. Это объясняется просто: Загряжский вообразил себя властелином вроде арабского халифа, который, сменив обличье, бродит по городу и узнаёт, что говорят о нём его подданные.

Д а д ь я н. Он часом не сбрендил? Может, вы хотите, чтобы я оставил его в покое как сумасшедшего?

С т о г о в. Успокойтесь, князь. Загряжский душевно здоров, просто у него такой игривый характер.

Д а д ь я н. Бьют не по характеру, а по роже.

С т о г о в. Что вы, князь, прицепились к его роже? Конечно, я не отвергаю вашего права получить удовлетворение, но, скажу вам честно, меня бы не удовлетворила такая месть.

Д а д ь я н (*вскакивает на ноги*). Я зарежу этого подлеца, но прежде оскорблю его публично!

С т о г о в. Вы этого не сделаете, пока он губернатор. Успокойтесь и предположите, что вы уже надавали оплеух Загряжскому, но поправит ли это дело? Невинная девушка останется оскорблённой.

Д а д ь я н. Я его истреблю!

С т о г о в. Вы отомстите свою обиду, но это не что иное, как эгоизм. Хорошо, вы удовлетворитесь, а надобно восстановить честь невинной благородной девушки, надо помнить, какие она сейчас переносит страдания, — вот о чём вам нужно думать, а не пыхать угрозами, как шведская спичка.

Д а д ь я н. Я надеялся стать счастливым мужем, а этот подлец всё разрушил.

С т о г о в. Перестаньте заботиться только о себе. Конечно, болтовня не пристанет к невинному ангелу, но условности общества таковы, что даже сама невинность требует очищения.

Пауза.

Д а д ь я н. Я готов выслушать ваше предложение...

С т о г о в. Вот это дело, мой почтенный князь! Спокойно обсудив, всегда можно найти разумный выход. И я вас спрашиваю: какого вы хотите удовлетворения?

Д а д ь я н. Что вы можете сделать?

С т о г о в. Всё, что вы пожелаете!

Д а д ь я н. Я хочу, чтобы он объявил себя лжецом и негодяем!

С т о г о в. Уточните, в какой форме? Желаете, чтобы Загряжский прокричал это с балкона дворца?

Д а д ь я н. Нет, пусть он при мне и при вас напишет, что он солгал и что если он сболтнет ещё хоть одно слово, то даёт мне право бить свою рожу. Можете это

исполнить?

С т о г о в. Если вы решили твердо и окончательно, то сделаю обязательно.

Д а д ь я н. Вы не шутите?

С т о г о в. Нет, не шучу.

Д а д ь я н. Вы берёте на себя большую ответственность.

С т о г о в. Вы получите удовлетворение в письменном виде. Но довольны ли будете им?

Д а д ь я н. Вы ручаетесь в том, что обещаете?

С т о г о в. Ручаюсь честным словом, но и вы дайте честное слово, что пока он будет губернатором, вы не оскорбите его.

Д а д ь я н. Это я вам могу обещать, но если я по вашей вине не получу удовлетворение от Загряжского, тогда у меня расчёт будет с вами.

С т о г о в. Согласен, князь. Теперь дайте мне честное слово и маленькую записочку, что вы не будете бить губернатора по роже.

Д а д ь я н. Извольте.

Князь пишет записку.

С т о г о в. Итак, мы пришли к согласию. Сейчас, князь, от вас потребуется некоторое терпение. Побудьте с полчаса наверху, в библиотеке. Затем я приглашу вас на торжественное написание требуемого вами документа. Сироткин! Проводи князя наверх и скажи начальнику жандармской команды, чтобы он приказал почтмейстеру Лазаревичу не выпускать почту без моего разрешения.

С и р о т к и н. Слушаюсь, господин штаб-офицер!

Стогов берёт перо и начинает строчить письмо шефу жандармов.

Из своего укрытия высовывается Загряжский.

З а г р я ж с к и й. Можно выйти?

С т о г о в *(после паузы)*. Да, можно... Пройдитесь, ваше превосходительство, разомните косточки. Ещё чуть-чуть, и я закончу.

З а г р я ж с к и й. Что вы такое пишете?

С т о г о в. Так, кое-что для памяти... Вот и всё. Итак, ваше превосходительство, вы всё слышали: и Баратаев, и Дадьян настроены непримиримо, особенно последний. Это варвар! Дикарь! Я был уверен, что у него под одеждой кинжал, но не решился рисковать жандармами. Вы же знаете, что они учатся отрезать головы на баранах? Но его усмирил. Князь снял главное требование — вашу жизнь.

З а г р я ж с к и й. Да, я знаю, у него всегда кинжал готов. Но его требования непомерны. Я письма не дам.

С т о г о в. Это ваше право. Но я хочу получить от вас письменное уведомление, что вы отвергаете моё участие в этом деле. Я приложу записку к письму и отправлю шефу корпуса жандармов. А с князем Дадьяном разбирайтесь сами.

З а г р я ж с к и й. Ну вот, вы уже и обиделись. Я сейчас был свидетелем тому, что вы слишком мягко отнеслись к явным заговорщикам.

С т о г о в. Ваше превосходительство, ваша клевета на невинную девушку несомненна. Баратаев и Дадьян — князья и родовитые дворяне, и они требуют удовлетворения. Я ухожу, но сейчас же сюда явится князь Дадьян и расправится с вами самым ужасным образом. Сироткин?

С и р о т к и н. Я здесь, господин штаб-офицер.

С т о г о в. Где князь Дадьян?

С и р о т к и н. В библиотеке на верхнем этаже.

С т о г о в. Чем князь занят?

С и р о т к и н. Уставился в окно и воет и скрипит зубами.

С т о г о в. Как это понимать?

С и р о т к и н. Я был на Кавказе. Там джигиты, прежде чем кого-то зарезать, воют по-волчьи.

З а г р я ж с к и й. Эразм Иванович, я не знаю, что мне делать.

С т о г о в. Вы нагадили, а за собой следует убираться.

З а г р я ж с к и й. Хорошо, я согласен. Зовите этого абрека, чёрт с ним: одну минуту позора как-нибудь стерплю.

С т о г о в. Сироткин!

С и р о т к и н. Слушаю, господин штаб-офицер!

С т о г о в. Пригласи князя Дадьяна. *(Делает несколько шагов по комнате)*. Я весьма огорчён, ваше превосходительство, что вы не в должной мере оцениваете усилия, которые я прилагаю, дабы погасить этот дурацкий конфликт.

З а г р я ж с к и й. Я выполню всё, что будет нужно.

С т о г о в. И правильно делаете. Князь — дикарь и дурак, пусть он утешится клочком бумажки, но вы приобретёте спокойствие. В Симбирске все бараны — и мужики, и дворяне, пройдёт неделя, и вся эта сумятица исчезнет без следа и всякой о

ней памяти.

Входит князь Дадьян.

С т о г о в (*Загряжскому*). Князь желает продиктовать письмо. Угодно ли вам его написать?

З а г р я ж с к и й. Возражений не имею.

С т о г о в. Князь, извольте диктовать.

Загряжский садится за стол и берет перо.

Д а д ь я н (*цедя слова*). Дошедшие до вас слова, сказанные мной о княжне Баратаевой, совершенно лживые, и я утверждаю клятвою, что я солгал. Клятвою утверждаю, что все мои слова, сказанные о княжне, от начала и до конца ложь. И если я осмелюсь повторить мою ложь или без всякого уважения произнести имя княжны, то даю право князю Дадьяну везде и во всякое время бить меня по лицу как бесчестного человека.

С т о г о в. Прошу вас, ваше превосходительство, удостоверить документ своей подписью.

Дадьян берёт документ и удаляется. В комнату вбегают Загряжская.

З а г р я ж с к а я. Ах, Алекс. Я горжусь тобой, ты нашёл в себе мужество отделаться от этого проходимца пустой бумажкой. Пусть он ей подавится! Ведь этот дикарь мог тебя лишить жизни.

З а г р я ж с к и й. К счастью, всё уже позади. Но крови мне этот мерзавец попортил немало.

З а г р я ж с к а я (*Стогову*). Дорогой Эразм Иванович, мы вам обязаны счастливым окончанием этой истории.

З а г р я ж с к и й. Теперь я воочию убедился, что жандармы учреждены совсем не зря, а для укрепления власти. Дорогой Эразм Иванович, позвольте позвать вашу мужественную руку! Теперь не худо было бы это дело, по русскому обычаю, спрыснуть.

З а г р я ж с к а я. Прошувас, Эразм Иванович, осчастливить нас вашим присутствием!

С т о г о в. Рад бы в рай, да дела не пускают — служба-с! Такое событие — дело интимное, для родных людей, которым есть что сказать друг другу. Позвольте мне, ваше превосходительство, задержаться здесь ещё на несколько минут?

З а г р я ж с к и й. Да хоть до утра! Мы будем в гостинной и всегда рады вас видеть.

Загряжские удаляются.

С т о г о в. Сироткин! (*Входит унтер-офицер*). Как встретились Баратаев и Дадьян?

С и р о т к и н. В лучшем виде: старый князь всплакнул, они обнялись, сели в одну коляску и отбыли восвояси.

С т о г о в. Жаль, что я этого не видел, но я тебе, Сироткин, верю. Мы сделали с тобой в этом деле несколько человек счастливыми. У нас все оказались удовлетворены: и Баратаев, и его дочь, и Дадьян, и Загряжский, и его заполошная супруга. Но что мы получили с тобой, скажи, Сироткин? Ты получил от этого дела нравственное удовлетворение?

С и р о т к и н. Не могу знать, господин штаб-офицер!

С т о г о в. Ну, конечно, ты в нравственном удовлетворении не нуждаешься. Тогда изволь получить десять рублей ассигнациями наградных.

Вынимает из кошелька деньги и отдаёт жандарму.

С и р о т к и н. Рад стараться, ваше высокоблагородие!

С т о г о в. Ступай! Разрешаю два дня отпуска. (*Сироткин уходит*). Ну-с! А чем мне наградить себя за столь умелое разрешение каверзного дела о столкновении дворянской спеси и губернаторской дури? Кажется, я не получу от этого ничего существенного, кроме звания полковника, которое я уже выслужил и по сроку. Что ни говори, а полковник — это последняя приступка к генеральству, но как его занять, если Дубельт пока полковник, а через него не перешагнуть. Этим делом я помогаю Дубельту, он пишет, что Бенкендорф в восторге от моих писем о симбирском греховоднике и куски из них зачитывает государю. И они оба похотятывают. А это не пустяк — рассмешить императора Николая Павловича. (*Перекладывает документы*). Так-с! Всё согласно очередности: моё письмо шефу корпуса жандармов, записки Баратаева, Дадьяна, наконец, Загряжского. Последнего судьба мне послала в награду за лишения дальневосточной службы. Такой губернатор, дуралей, шалопай, ветрогон и греховодник, — подарок толковому штаб-офицеру... Всё собрано, теперь навестим почтмейстера Лазаревича и проследим за отправлением казённой почты. (*Уходит*).

Входит Загряжская, подходит к шкафу и начинает в нём что-то искать.

З а г р я ж с к а я. Куда же всё подевалось? Или у Алекса от переживаний пропала память? Я нашла этот драный салоп вчера здесь. Нет и остального. Где юбка? Где кофта? Надеюсь, он нижнее женское бельё не носил, а то его тоже здесь нет. (*Осматривает стол, вынимает из ящика пистолет*). А это ещё что такое? (*Кричит*). Степан! Хватит спать, ты мне нужен! (*Из-за цветов и кустарников появляется оранжерейный мужик*). Поторопись, лежебока! (*Степан прячется за пальму*). А это ещё что за прыжки? Я

пришла сюда не в прятки с тобой играть!

Степан. Как же я подойду, когда твоя милость в меня пистолетом целит? Ты бы отвела его в сторону.

Загряжская *(опускает пистолет)*. Что у тебя с правой щекой, почему она так опухла?

Степан *(глядит в зеркало)*. Это от кулака.

Загряжская. Тебя кто-то ударил? Не ври! Барин тебя никогда не обижал, хотя ты обманываешь его на каждом шагу. Говори, кто тебя ударил?

Степан. У меня щека опухла не от чужого кулака, а от своего. На земле голову не на что прислонить, кроме своего кулака, вот я его под щеку и подкладываю.

Загряжская. Ты, верно, с утра был пьян, если завалился спать и не слышал, что здесь происходило?

Степан. Ничего не слышал. Я, барыня, с ночи пять гряд в теплице вскопал под редиску, лучок и другую зелень, чтобы у твоей милости лето на столе появилось раньше, чем у других. Притомился и вздремнул.

Загряжская. За работу хвалю, но куда подевался салоп и прочая одежонка из шкафа? Я вчера их видела там своими глазами.

Степан. Это вещи барина. Он их кладёт, где ему вздумается.

Загряжская. Разве ты не видел, куда он вчера всё попрятал?

Степан. Барин прибежал сломя голову и разбросал второпях всю одежду на полу.

Загряжская. Кто же её подобрал?

Степан. Кто же ещё, кроме меня. Я тут за всем следить поставлен.

Загряжская. Почему же ты сразу не сказал?

Степан. Куда мне спешить? Скажешь, а потом виноватым объявят.

Загряжская. Я тебя награжу, только скажи, где эта гадкая одежонка?

Степан. В чулане. В сундук комом запихал, ты уж меня не брани за это.

Загряжская. Неси всё сюда. *(Степан приносит одежду и кладёт на кушетку)*. Так... Салоп, юбка, кофта... А где платок?

Степан. Клетку накрыл, чтобы попугай не вопил.

Загряжская. Возьми платок и завяжи в него всю одежонку.

Степан выполняет приказание.

Попугай. Алекс! Алекс!

Загряжская. Можешь забрать всё себе.

Степан. Помилуй, барыня, я этого принять не могу. Хоть брани, хоть бей, но не возьму.

Загряжская. Правду Лизонька говорит, что ты дурак! Почему вздумал отказываться от подарка? Иль разбогател?

Степан. От полтины я не откажусь, даже от гривенника, а бабью одёжку не возьму.

Загряжская. Но почему?

Степан. Грех великий.

Загряжская. И чём тут грех великий?

Степан. Грешно мужику в бабье платье наряжаться. Скажу про это попу на исповеди, так он мне все вихры повыдерет.

Загряжская *(сквозь смех)*. Стало быть, ты решил, что я тебя понуждаю носить эту одежонку?

Степан. Не знаю, что и подумать.

Загряжская. Забери всё и делай с ним, что захочешь!

Степан *(недоверчиво)*. И тебе это больше не понадобится?

Загряжская. У меня от тебя голова разболелась. Ещё раз говорю: делай с этими ремками что хочешь: выброси, сожги, подари, но я не должна их видеть! *(Уходит)*.

Степан. Как же мне эти подарком распорядиться? *(Перекладывает одежду)*. Салоп всем хорош, лиса целёхонькая, не побитая молью. Он, верно, никак не меньше червонца стоит. Потому и не годится для носки дворовой бабой. Отдай я его своей Макриде, так ей от зависти проходу не дадут, а салоп изрежут или прожгут. Куда же мне его девать? *(Чешет голову)*. Эх-ма! Отнесу-ка я его Парамону Сидорычу!

Попугай. Дурак! Алекс! Дурак!

Степан. Ждёшь, чтобы я тебя платком накрыл? Не выйдет. Платок теперь мой, а тебя я своими старыми кальсонами накрою. Хватит тебе сладкому женскому запаху радоваться. Узнаешь, как пахнет мужик, живо орать отучишься и заперхаешь, как старикашка. *(Степан оставляет салоп, остальную одежду уносит в чулан. Примеривает салоп возле зеркала к плечам)*. Пойду, потолкую с закладчиком, может, разорю его на червонец. Деньги мне скоро край как нужны будут на новом месте, скорее всего в Петербурге. Тут такое заварилося, что барину из Симбирска придётся

съезжать. А я его раб: мы с ним оба крепостью повязаны по гроб жизни. Мой барин и в Петербурге найдёт, чем ему позабавиться.

Занавес

Действие III

Обстановка на сцене та же, что и в первом действии. Гончаров сидит на диване и поднимается, когда входит Загряжский. За две недели, которые прошли после скандала, он обрёл прежнюю легкомысленность и веселость.

Загряжский. Наконец-то я освободился от бумаг, которые мне охапками приносит каждое утро начальник канцелярии. Я когда-то считал, что губернатор управляет, а нет! Губернатор с утра и до вечера учится писать своё имя на исходящих и входящих бумаженциях. Вы думаете, я их читаю? Дудки! Если бы во всё вникал, то не смог вам уделить и тех пяти минут, которые вы просили.

Гончаров. Ваше превосходительство! Я намерен просить вас уволить меня от занимаемой должности.

Загряжский. Иван Александрович, голубчик! Что случилось? Если вы чем-то недовольны, то причину вашего недовольствия я велю немедленно устранить.

Гончаров. Ваше превосходительство...

Загряжский. Вас, конечно, не устраивает денежное содержание, но что делать? Наш министр сидит на бюджете, как кашей, и только выглядывает, что бы ещё урезать в государственных расходах. Ну, не дурак ли?.. Ежели не будет расходов, откуда доходы возьмутся? Но я вам помогу наградами. Сколько в прошлый раз вы получили?

Гончаров. Тридцать рублей.

Загряжский. На этот раз получите тридцать пять, нет, сорок рублей. Довольны?

Гончаров. Наградные мне не понадобятся: я должен ехать в Петербург, чтобы определиться на службу.

Загряжский. Что же стряслось такого, что решили ехать немедленно?

Гончаров. Решением правительствующего сената я исключен из купеческого сословия и имею право, как окончивший курс университета, определиться на службу.

Загряжский. Всё равно, это не причина для спешки. Вам бы надо поднабраться опыта, заматереть на канцелярской службе, а то вы явитесь к петербургским подьячим, у которых сплошь волчьи ухватки, таким симбирским ягнёнком, и вас вмиг обведут вокруг пальца, без ножа зарежут и освежуют.

Гончаров. Я надеюсь, что буду иметь дело с образованными людьми университетского круга.

Загряжский. Кто их там для вас приготовил? Я знаю столичные департаменты, это джунгли, где без топора не прорубиться из письмоводителей даже в столоначальники.

Гончаров. А разве здесь устроено по-другому?

Загряжский (*заинтересованно*). Так-так... Любопытно узнать, что вы можете сказать о губернской жизни?

Гончаров. Я хочу жить, не давая ничему и никому своей оценки. Имеет смысл присматриваться и оценивать только себя, но я уже настолько врос в губернскую почву, что становлюсь самым заурядным симбиряком: мне хочется чаще бывать там, где меня ласкают. Я стал меньше читать, думать, ещё немного, и я так обрасту липкими тенётами праздности, что не захочу ехать не только в Петербург, но не выйду на Венец, как вышел в этом году, чтобы посмотреть ледоход и вдохнуть в себя заволжского простора.

Загряжский (*задумчиво*). Я вижу, что в вас ещё не погасли искорки юношеского честолюбия, и знаю им причину. Бенардаки мне давеча говорил, что вы тиснули в «Телескопе» свой перевод из какого-то француза. Это так?

Гончаров. Так, безделка, не стоит внимания.

Загряжский. Я знаю ваш слог, вы говорите хуже меня, но пишете в тысячу раз лучше. И я готов вам предложить тему для романа или комедии, какой ещё в русской словесности не бывало.

Гончаров. Я по заказу не стану писать.

Загряжский. Стало быть, вы ещё не достигли того уровня писательского ремесла, чтобы справиться с любой темой. И это не я выдумал, а полтора года назад здесь, в этой гостиной, слышал от Александра Пушкина.

Гончаров. Он, конечно, прав. И какую тему вы хотите мне предложить?

Загряжский. Напишите роман о губернаторе, потому что он — опора всей вертикали власти в России. У вас это должно получиться, вы уже в основном разобрались, как крутятся-вертятся колёсики административной машины, а главным

лицом сделайте меня. Я не беру взятки и уже этим отличаюсь от прочих. Но я ещё и весёлый человек, не без слабостей, в меру женолюбив, но это говорит о том, что я ценю всё прекрасное.

Г о н ч а р о в. Вы, ваше превосходительство, выделяетесь изо всех. Но вокруг вас такие скучные люди, что их не оживит даже гений Шекспира.

З а г р я ж с к и й. Не скажите, не скажите... Тут есть чиновник, который определился на службу почти голышом, а теперь имеет каменный дом, выезд, деревеньку. Чтобы этим владеть, сей господин прошёл через такое, что Шекспиру и не снилось.

Вбегает Лиза.

Л и з а. Иван Александрович, нехорошо опаздывать!

Г о н ч а р о в (*смущённо*). Я, кажется, ни в чём вам не обещался.

Л и з а. Это не имеет значения. Я вам назначила бывать у меня каждый день в двенадцать часов. Мадам Мими дала мне просмотреть журнал модной одежды, а я не смогла многое из него перевести. Папенька, вели Ивану Александровичу не забывать свои обязанности.

Г о н ч а р о в. Кхе... Кхе...

З а г р я ж с к и й. Иван Александрович, милочка, увы, скоро от нас уедет.

Л и з а. Как это уедет? А кто будет со мной танцевать? Опять неуклюжий Миша Лопарёв? Акто будет со мной беседовать, состоять моим кавалером на званых вечерах? Нет, папенька, запрети ему уезжать!

З а г р я ж с к и й. Он свободен в своём выборе.

Л и з а (*капризно*). Иван Александрович, это нечестно бросать меня без партнёра. С кем я теперь стану танцевать на Троицу?

З а г р я ж с к и й. Иван Александрович едет служить в Петербург. Кстати, на что намерены вы жить в столице?

Г о н ч а р о в. Я буду служить.

З а г р я ж с к и й. Службой вы в Петербурге не проживёте.

Г о н ч а р о в. В Петербурге многие живут службой.

З а г р я ж с к и й. Службой живут люди без запросов, никчемные, а вы молоды, вам непременно захочется пошалить, а на это деньги нужны. Открою вам секрет: в Петербурге люди того круга, куда вы хотите пристать, живут долгами. Вы умеете жить долгами?

Г о н ч а р о в. Я не знаю, что это такое, ваше превосходительство.

З а г р я ж с к и й. Лиза! Он не знает, как жить долгами, а ведь наверняка положил себе стать светским человеком. Писатель тоже должен быть в определённом смысле шалопаем, мотом, а вы знаете о долгах ровно столько, сколько я об электричестве.

Л и з а. Я не буду слушать о каких-то долгах. Извини, папенька, я пойду к себе: сейчас явится модистка. Так я вас жду, Иван Александрович?

Г о н ч а р о в. Непременно буду, Елизавета Александровна.

З а г р я ж с к и й. Приехав в Петербург, вы, молодой человек, должны крепко усвоить, что быть должником стыдно только в провинции, поэтому я здесь ни у кого и не одолжаюсь. Но у меня есть долги, сделанные не в Симбирске, а в Петербурге и даже в Париже, общим счётом около сорока тысяч. Когда будете писать свой роман о губернаторе, не забудьте об этом упомянуть. Эту сумму я набрал по тысяче-две у лиц, которых сейчас даже не помню и никогда их не вспомню.

Г о н ч а р о в. Однако когда-нибудь надо рассчитывать.

З а г р я ж с к и й. Зачем? Мне тоже должны, правда, всего тысячи три, но тут важна не сумма, а принцип: я не отдаю потому, что должны мне. И так рассуждают все люди моего круга.

Г о н ч а р о в. Я, ваше превосходительство, происхожу из купцов, а у них денежки счёт любят.

З а г р я ж с к и й. С такими понятиями о жизни вы никогда не станете писателем.

Г о н ч а р о в. Чем же они плохи?

З а г р я ж с к и й. Берите пример с Пушкина. Вы ведь, конечно, не знаете, что я у него выиграл, будучи в Москве, главу из его «Евгения Онегина»? И не смотрите на меня с недоверием: тому есть много свидетелей. Припоминаю, что это была ещё не напечатанная пятая глава.

Г о н ч а р о в. Вы, конечно, вернули поэту свой выигрыш?

З а г р я ж с к и й. С какой стати? Я выигрышами не разбрасываюсь. Просто на другой день я проиграл и деньги, и эту главу Пушкину, и даже занял у него полтысячи, чтобы добраться до Петербурга. Кстати, и этот долг я ему не вернул.

Г о н ч а р о в. Никогда бы не подумал, что Пушкин так безоглядно играет в карты.

З а г р я ж с к и й. Он признанный поэт. А вам, Иван Александрович, чтобы стать писателем и решиться на роман о губернаторе, обязательно, хотя бы раз, надо проиграться догола.

Г о н ч а р о в. При всем к вам, ваше превосходительство, уважении обещать этого не могу. Я, скорее всего, по приезде в Петербург сниму скромное жилище и буду ходить только в департамент и в библиотеку.

З а г р я ж с к и й. У вас довольно оригинальное отношение к писательству. Если вы добьётесь успеха, то станете первым писателем, который вошёл в большую литературу без колоды карт и не в сопровождении Бахуса. Когда вы намереваетесь ехать в Петербург?

Г о н ч а р о в. Как только окрепнут дороги после весенней распутицы.

Входит Иван Васильевич. В руке он держит распечатанный конверт.

З а г р я ж с к и й. Что за срочность?

И в а н В а с и л ь е в и ч. Конфиденциальное сообщение из Петербурга.

Гончаров покидает помещение.

З а г р я ж с к и й. Не трясись. Что там у тебя?

И в а н В а с и л ь е в и ч. Вот, ваше превосходительство, открыл пакет, а там...

З а г р я ж с к и й. Что там? Война с Европой?

И в а н В а с и л ь е в и ч *(погав бумагу)*. Читайте в самом конце.

З а г р я ж с к и й *(читает)*. Уволить... и впредь не определять... Николай... За что? *(Пауза)*. Меня оклеветали. *(Заглядывает в бумагу)*. «За умаление нравственного значения губернаторской власти...» Какая чушь! Что за придирка? Видит бог, я шаловлив от природы, но что же, теперь губернатору и пошалить нельзя? Что я совершил такого безнравственного? Пошутил с безмозглым дураком графом Толстым, тот мою глупость обратил в сплетню и наградил ею, как орденом святого Ебукентия, дикого князя Дадыяна. Вот и всё! Если за такую мелочь станут разбрасываться честными губернаторами, то власти не на кого будет опереться, и вся властная вертикаль обрушится и погребёт под собой Россию.

И в а н В а с и л ь е в и ч *(участливо)*. Кругом явная несправедливость. Честных губернаторов гнобят, а взяточнику пензенскому Панчулидзеву недавно орден Святой Анны пожаловали. В сегодняшней почте в министерском циркуляре он поощрён полуста тысячами рублей наградными за прошлый год. И всё потому, что четверть взяточных сумм он поставляет по назначению высшему кругу государственных особ. Жаль, что ни с кем из них вы не состоите в покровительственных отношениях.

З а г р я ж с к и й. Мне равняться с крапивным семенем? Я в губернаторы попал из капитанов Преображенского полка, а тот же Панчулидзева задницу до мозолей натёр на приказных скамейках, прежде чем выбился в столоначальники и стал карабаткаться по карьерной лестнице. Я назначен губернатором по желанию государя, им же ныне низвергнут в первобытное состояние.

И в а н В а с и л ь е в и ч. Ваша близость к императору и стала причиной зависти клеветников нашего симбирского пошиба. Вы не представляете, ваше превосходительство, какие в здешних канцеляриях водятся тарантулы и скорпионы. Возьмёт один такой на острие гусяного пера капельку ядовитых чернил и ужалит клеветой до смерти.

З а г р я ж с к и й. Боже, как я ненавижу Симбирск! Сгорел бы он хоть сегодня вместе с канцелярскими пауками и скорпионами, насколько бы не пожалел, а государю отправил радостную реляцию, что, наконец-то, симбирский Карфаген разрушен!

И в а н В а с и л ь е в и ч. Симбирск не сгорит, если потратить на поджоги даже воз шведских спичек.

З а г р я ж с к и й. Будет врать. Городские деревяшки так полыхнут, что нам за каменными стенами дворца не отсидеться от огненной бури.

И в а н В а с и л ь е в и ч. У города есть заступник — блаженный Андрей. Обыватели знают, что пока он жив, пожарам не бывать.

З а г р я ж с к и й. Мне бы такого защитника. У меня сейчас положение и в самом деле хуже губернаторского. Самое большое — нет денег, а мне надо ехать в Петербург, подавать жалобу, нанимать квартиру, держать экипаж, посещать театр, возвращаться рядом с обеспеченными людьми. Нет, Иван Васильевич! Вы давеча мой сон про тюленей на Камчатке неверно истолковали. Чую сердцем, что явлюсь в Петербург, и отправят меня начальствовать над тюленями и другими земноводными тварями Охотского моря.

И в а н В а с и л ь е в и ч. Просите государя назначить по вашему делу сенаторскую ревизию всей губернии. Пусть пришлют сюда сенатора, флигель-адъютанта и трёх полковников с оравой петербургских тарантулов.

З а г р я ж с к и й *(оживлённо)*. То-то будет потеха смотреть, когда они сцепятся с нашими взяточберущими особями... К ревизии надо подготовиться. Нужно сделать сравнительную оценку состояния губернии: что было, когда я её принял, и что стало на сегодняшний день.

И в а н В а с и л ь е в и ч.хлопотное это дело, надо бы канцеляристов заинтересовать.

Загрязский. За этим дело не станет. Пусть посчитают, сколько народу народилось за время моего губернаторства, пусть также отметят моё неусыпное попечение о народном здравии. Ведь это я велел сделать на отхожем месте крышу, чтобы хворые не простужались. А сколько у нас в остроге содержится?

Иван Васильевич. Десять человек.

Загрязский. Точно помню, что в день моего первого посещения острога там было около сотни арестантов.

Иван Васильевич. Собор при вашем превосходительстве закончили строить. В Москве, рассказывают, на Воробьёвых горах, собор бросили строить, а мы первое первопрестольной восславили подвиги героев двенадцатого года.

Загрязский (*оживлённо*). Надо обязательно отметить, что дорожный спуск к Волге только при моём губернаторстве начал строиться в полную силу.

Иван Васильевич. Ваше превосходительство во многом посодействовали, что перевод крестьян из государственных в удельные, дворцового ведомства, проходит мирно, без угрозы народного возмущения.

Загрязский (*задумчиво*). Начальнику удельной конторы этот параграф не понравится. Он всё намерен приписать к себе. Приехав в Симбирск, он не почтил меня как начальника губернии визитом. Затем собрал в своей конторе тех чиновников, с которыми из-за их неумеренного сребролюбия я вынужден был расстаться. Перетащил на свою сторону прокурора и принялся слухами и письмами охаивать меня перед первыми лицами министерства внутренних дел. И на сей час я не сомневаюсь, что моя отставка во многом его рук дело.

Иван Васильевич. Может, вашей отставке поспособствовал штаб-офицер?

Загрязский. Я сейчас могу подозревать любого. Может, и вы, моя правая рука, поспешествовали моей беде?

Иван Васильевич. Ваше превосходительство... Как на духу... Клянусь большой дочерью...

Загрязский. Успокойся, Иван Васильевич, я назвал тебя так, для примера. Конечно, и жандарма нельзя сбрасывать со счетов, но я считаю Эразма Ивановича за прямодушного человека.

Иван Васильевич. Это жандарм-то прямодушный?

Загрязский. У меня были с ним несколько стычек, после чего он все свои донесения показывал мне, прежде чем отправить в Петербург. Иногда в них присутствовали неблагоприятные для меня сведения, но ничего лишнего и злого.

Иван Васильевич. Я и не знал, что наш жандарм так честен.

Загрязский. Он пока вёл себя очень порядочно, всегда говорил в лицо, чем недоволен. А с каким пониманием штаб-офицер отнёсся к моей стычке с Баратаевым? Он всех успокоил, всё устроил, все остались довольны, ни у кого нет претензий. Дворяне, замешанные в заговоре против губернатора, принесли извинения. А это не пустяк!

Иван Васильевич. Наши дворяне уже не впервой сначала изуродуют губернатора сплетнями и доносами в Петербург, а когда начальника губернии отставят, то кидаются ему на шею соболезновать, пишут восторженный адрес, осыпают подарками.

Пауза.

Загрязский. Весьма любопытно, как они поступят со мной? Я бы хотел закончить своё губернаторство каким-нибудь примирительным жестом, чтобы подчеркнуть, что я выше мелочных интрижек. Зло пусть останется злым людям, а добро — пребудет с порядочными людьми.

Иван Васильевич. Вы намеревались послать в Петербург требование о сенаторской ревизии всей губернии, как с этим?

Загрязский. А моего решения не изменил. Идите, Иван Васильевич, и всех до единого, и Гончарова тоже, посадите на исполнение нужных бумаг. Пусть работают без отдыха. Я в долгу не останусь.

Иван Васильевич намеревается выйти из комнаты, но в дверях его останавливает штаб-офицер.

Стогов. А вас, господин губернский секретарь, я попрошу остаться.

Загрязский. А вы вас, Эразм Иванович, только что вспоминали.

Стогов. Надеюсь, добрыми словами?

Загрязский. Именно добрыми, правда, Иван Васильевич мне пытался возражать, но делал это не прямо, а намёками.

Стогов. По какому же поводу меня вспомнили?

Загрязский. А вы догадайтесь, по какому? Иван Васильевич склонен считать, что именно вы этому случаю и есть самая настоящая причина.

Иван Васильевич. Его превосходительство явно не в себе от простуды, от

которой ещё не вполне оправился.

С т о г о в. Удивляюсь, господин Загряжский, вашей простоте. То, о чём вы намёреваетесь мне сказать, известно доброй половине благородных обывателей.

З а г р я ж с к и й (*растерянно*). Однако вы меня вперёд, чем я вас, удивили. То, что я узнал полчаса назад, должно быть известно только мне и Ивану Васильевичу.

С т о г о в. Полностью с вами согласен. Но я узнал об отрешении вас от должности ещё вчера в буфете благородного собрания, где эта новость бурно обсуждалась подвыпившими дворянами.

З а г р я ж с к и й. Но откуда им это стало известно? Иван Васильевич вручил мне письмо только сейчас, почти на ваших глазах.

С т о г о в. Иван Васильевич! Прошу на сцену. Может быть, вы сможете объяснить секрет фокуса с письмом из Петербурга?

И в а н В а с и л ь е в и ч. Извольте шутить, господин штаб-офицер?

С т о г о в. Какие шутки? Тут какая-то мистика, чтение мыслей на расстоянии.

З а г р я ж с к и й. Не томите меня, Эразм Иванович, тайной. Говорите, как мое отрешение от должности стало известно многим дворянам?

С т о г о в. Большой тайны здесь нет. Признаться, меня вчера тоже поначалу удивило, а затем заинтересовало, откуда знают об отставке губернатора столь широко и повсеместно? И сегодня утром я разгадал эту нехитрую загадку.

З а г р я ж с к и й. Я шокирован, нет, я поражён — утечкой информации особой важности. И кто же этот государственный преступник?

С т о г о в. К счастью, государственного преступления здесь ещё нет. А теперь, ваше превосходительство, потрудитесь ответить на мои вопросы.

З а г р я ж с к и й. Скажу всё, что знаю.

С т о г о в (*указывая на Ивана Васильевича*). Объявите, кто этот господин?

З а г р я ж с к и й. Как кто? Это губернский секретарь, моя правая рука, Иван Васильевич.

С т о г о в. Был ли он замечен в служебных шалостях?

З а г р я ж с к и й. Все мы не без греха. Но Иван Васильевич всегда выделялся в лучшую сторону.

С т о г о в. Не замечалась ли за ним тяга к коммерции? К примеру, что-нибудь продать, конечно, не своё?

З а г р я ж с к и й (*внушительно*). В Иване Васильевиче я не могу сомневаться.

С т о г о в. А меня ваш Иван Васильевич крепко удивил тем, что решил обогатиться способом, который позаимствовал у парижского Ротшильда.

И в а н В а с и л ь е в и ч. У нас в Симбирске Ротшильдов отродясь не было.

С т о г о в. После разгрома Наполеона под Ватерлоо банкир Ротшильд первым получил это известие и крупно на нём обогатился. Наш симбирский Ротшильд Иван Васильевич вскрыл правительственный пакет, узнал об отставке губернатора и решил торговать этой новостью среди богатых обывателей. Поэтому Иван Васильевич на этот час самый ловкий в Симбирске коммерсант.

З а г р я ж с к и й (*насмешливо*). Извольте объясниться, Иван Васильевич!

И в а н В а с и л ь е в и ч (*лебезит*). Как вам сказать, ваше превосходительство, как вам сказать... Может, что и упустил по службе, так дел-то выше крыши... Может, и упустил...

З а г р я ж с к и й. Ясно: заюлил, ни врать, ни признаваться не желает. Тогда я готов выслушать, Эразм Иванович, вас. Он что, действительно организовал торговлю моей отставкой?

С т о г о в. Я решения о вашей отставке не видел, для меня вы губернатор, поэтому докладываю вашему превосходительству: допрошенный штаб-офицером почтмейстер Лазаревич признался, что он вошёл с нашим симбирским Ротшильдом в сговор и продал сведения об отставке губернатора своим постоянным покупателям: графу Бестужеву, князю Баратаеву, графу Толстому и ещё двадцати семи дворянам, а также их степенствам купцам Балакирщикову, Синебрюхову, Кирпичникову и другим, общим числом пятнадцать человек, любящих совать свои кувшинные рыла в чужие и, тем паче, в государственные, дела.

З а г р я ж с к и й. Мало сказать, что я потрясён, я унижен. Ужели, Иван Васильевич, ты осмелился на такое грязное дело?

И в а н В а с и л ь е в и ч. Это я из лучших к вам побуждений совершил, ваше превосходительство.

С т о г о в. Хватит вилять, говори всю правду!

И в а н В а с и л ь е в и ч. Я оглашал вашу отставку намеренно, чтобы лучшие люди города смогли согласовать между собой, какие устроить вашему превосходительству проходы.

С т о г о в. Эти намерения не меняют сути дела. Следуйте, господин губернский

секретарь, в жандармское отделение для снятия письменного допроса.

Иван Васильевич. Господин штаб-офицер, это всё Лазаревич придумал, а я, каюсь, допустил слабость и не изобличил злоумышленника перед вашим высокоблагородием.

Входит Бенардаки.

Стогов. Вы, Дмитрий Егорович, явились весьма кстати.

Бенардаки. Разрешите присутствовать, господа?

Загряжский. Очень рад вас видеть.

Стогов. Вы можете разрешить один вопрос, который у нас возник к господину губернскому секретарю.

Бенардаки. Весь к вашим услугам, господин штаб-офицер.

Стогов. Вы не припомните, сколько заплатили Лазаревичу за копию императорского решения об увольнении губернатора? И как почтмейстер удостоверял подлинность известия?

Бенардаки. Вот оказывается в чём дело? Извольте, отвечу: отдал четвертную ассигнациями. Взамен получил бумагу и честное слово почтмейстера, что за копию у него есть поручительство от начальника губернской канцелярии.

Стогов. От Ивана Васильевича.

Бенардаки. Точно так. Я надеюсь, вы не будете его привлекать за эту мелочь к ответственности?

Стогов. Вы считаете разглашение секретной корреспонденции мелочью? Согласитесь, что торговать казёнными сведениями — немаловажное преступление?

Бенардаки. Полностью с вами согласен! Однако этот случай особый.

Стогов. Вы говорите удивительные для столь умного человека вещи.

Бенардаки. Дорогой Эразм Иванович! Давайте забудем о том, что вы государево око, и поговорим, как добрые друг к другу люди, потому что Иван Васильевич совершил умный поступок. Благодаря Ивану Васильевичу избранная часть благородного собрания ещё вчера постановила, причём единогласно, проводить губернатора самым достойным образом. Уже собрана значительная, даже очень значительная сумма на прощальный подарок. И всё потому, что Иван Васильевич, совершенно случайно полюбостытствовал в казённой почте.

Стогов. Он действовал совместно с Лазаревичем, а это преступный сговор.

Бенардаки. Доложу вам, Эразм Иванович, что новость — это самый скоропортящийся товар, и вдвоём сбывать её было сподручнее.

Загряжский. Оставьте Ивана Васильевича без последствий. Он мне нужен для составления особой важности доклада по итогам моей деятельности как начальника Симбирской губернии. Я не могу быть им недовольным: он меня не покинул, а вот вице-губернатор вчера срочно захворал, вместе с председателем казённой палаты.

Бенардаки. Я прошу вас, ваше превосходительство, быть ко мне благосклонным. К сожалению, вечером я буду вынужден уехать по делам и не смогу составить вам партию в фараон осенью, как обещал.

Загряжский. Какая мелочь! Не беспокойтесь! Поступайте согласно своим намерениям.

Бенардаки. Тем не менее, я прошу вас принять от меня прощальный подарок — совершенно новую коляску, сделанную лучшим симбирским каретником таким образом, что в ней удобно путешествовать, как летом, так и зимой.

Входит Загряжская.

Загряжский. Мари, дорогая! Дмитрий Егорович дарит нам совершенно новую коляску. Какой сегодня день: с утра неприятность, но сейчас я чувствую себя таким радостным, даже счастливым, будто я не отставленный губернатор, а именинник, который принимает поздравления и подарки.

Загряжская. Значит, это правда?

Загряжский. Если ты спрашиваешь о моей отставке, то это правда. Но я сейчас чувствую себя так легко, так свободно, что готов обнять всех, кто здесь есть рядом со мной. Знайте, господа, что я вас всех люблю и рад был с вами сотрудничать!

Стогов. Ваше превосходительство, у нас случалось всякое, но скучно нам не было.

Бенардаки. Я всегда буду ценить вас как умного и весёлого человека.

Загряжская. Всё равно это так неожиданно. Я знаю, что, за исключением немногих, нас здесь любят, но куда мы поедем? Где начнём новую жизнь?

Загряжский. В моих правилах всегда полагаться на случай. Мы едем, конечно, в Петербург, там у меня уйма хороших знакомых, я лично, и с самой лучшей стороны, известен его величеству, и мой опыт администратора российского масштаба неизбежно будет востребован.

Бенардаки. Я уверен, что вы скоро получите назначение в Сенат, где

благоденствуют почти все бывшие начальники губернии. У сенаторов прекрасный оклад, казённые жилые апартаменты, выезд, дрова, прогонные и столовые деньги. Ваша умница и красавица дочь завершит своё воспитание в лучшем пансионе и породнит вас с одной из лучших фамилий. Словом, в Петербурге вас ждёт успех, чин тайного советника и полное удовлетворение жизнью.

Загряжский. Вы очень щедры, Дмитрий Егорович, но у вас лёгкая рука на всё, к чему бы вы ни прикоснулись. И ваше пожелание я воспринимаю, как счастливое гадание, которое неизбежно сбудется.

Загряжская. Многие, кто сейчас радуются нашему отъезду, еще пожалеют об этом. Такого отзывчивого и честного губернатора в Симбирске никогда не было и не будет.

Стогов. Интересно бы знать имя нового начальника губернии.

Загряжский. Вы же всегда говорили, что жандармы всеведущи. Ужели на этот раз вы ничего не знаете?

Стогов. Увы! Может быть, с сегодняшней почтой я получу сообщение о вашем преемнике.

Загряжский. А вот мой Иван Васильевич знает. Но эту новость у него надо купить.

Бенардаки. За такое горячее известие я готов выложить четвертную.

Иван Васильевич. Пощадите, господа! Я виноват, но не настолько, чтобы превратиться в прожжённого негодяя.

Загряжский. Вы к моему слову прислушиваетесь? Оно для вас имеет значение?

Иван Васильевич. Наравне со словом высокопреосвящённого Анатолия.

Загряжский. Тогда я во всеуслышание объявляю вас честным человеком! А теперь говорите имя преемника.

Иван Васильевич. Действительный статский советник Иван Степанович Жиркевич.

Пауза.

Загряжский. Мне о нём ничего неизвестно.

Бенардаки. Я слышал о нём, но мельком.

Стогов. Ни музыки, ни танцевальных вечеров во дворце не будет. Я знаю о Жиркевиче официальное мнение: сухарь, педант, скор на зуботычины, но предельно честен и религиозен.

Загряжская. Вот и прекрасно! Такого начальника губернии и надо поставить, чтобы отучить здешних дворян от пренебрежения к губернаторской власти.

Бенардаки. А я так думаю, что Жиркевич с его замашками долго на Симбирске не усидит.

Входит Лиза, которая за руку ведёт Гончарова.

Лиза. Не упирайтесь, Иван Александрович! Это нечестно бросать меня одну без партнёра на майском балу. Папа! Вели Ивану Александровичу ехать в свой Петербург после Троицы: мне не с кем танцевать.

Загряжский. Иван Александрович тебе больше не понадобится: мы тоже уезжаем в Петербург.

Лиза бросает руку Гончарова и показывает ему язык.

Лиза. А я там буду танцевать?

Загряжский. Сколько душе угодно! Иван Александрович, вы правы, в Симбирске умному человеку да с образованием делать нечего. Я еду в столицу. Предлагаю вам место в коляске.

Гончаров. С благодарностью принимаю ваше приглашение. Со знакомыми ехать веселее, и дорога не покажется утомительной.

Загряжский (ко всем). Господа! Я надеюсь, вы проводите наш поезд за город, чтобы устроить последнее прощание не в казённых стенах, а на лужайке под сенью молодой ливы.

Бенардаки. Извините, но я забыл вам сказать, что провожать ваш поезд вызвались три десятка дворян, а благородное собрание, кроме подарка, взяло на себя расходы на прощальный обед с шампанским.

Загряжский. Шампанское нам нужно и сейчас. Прошу, господа, пройти в столовую. Мари! Вели буфетчику подать шампанского и конфеты.

Все уходят.

Занавес